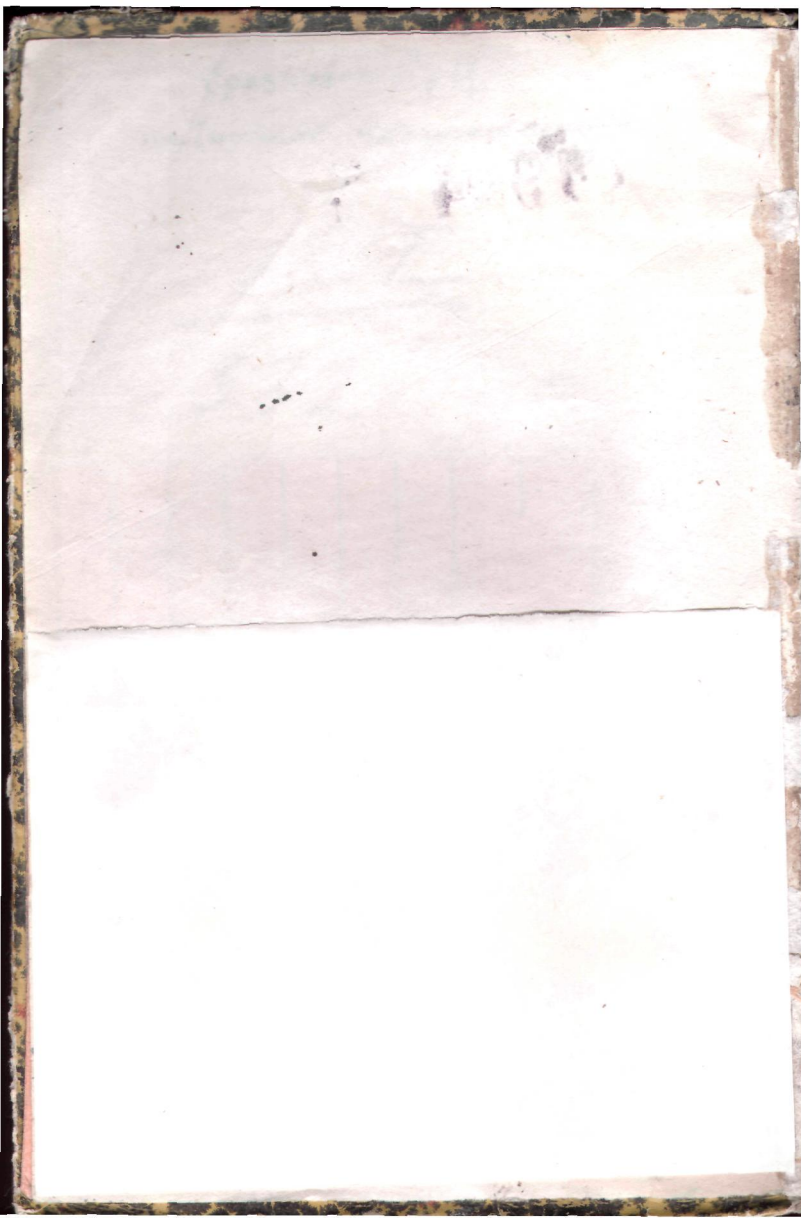

РК-ХГУ-1
Срезневский
Украинские
быльи.
229255

С. 229255

Л. а. а. а.

1838 - 4872.

~~5369~~
~~1867~~
~~21~~

УКРАИНСКІЯ БЫЛИ.

~~10 I~~
~~382~~

1657 — 1710.

229255

Л. Сраженский, И. Д.

ХАРЬКОВЪ.

ВЪ УНИВЕРСИТЕТСКОЙ ТИПОГРАФИИ.

1838.

34
58
02

2224 - 8221

18

Печатать дозволяется.

Апрѣля 28, 1838 года.

Ценсоръ И. Снегиревъ.

В Библиотечку Императорскаго Академическаго
Университета
Апр. 1.

Представляя на судъ любителей Украинской Исторіи этотъ новый опытъ моихъ трудовъ, составляющій продолженіе прежнихъ, изданныхъ въ 1833-35 годахъ, долгомъ почитаю означить главнѣйшіе источники, которые имѣлъ подѣ рукою при составленіи этой книжки.

1. Лѣтописи: — Конисскаго, Исторія Руссовъ, — Рогалевскаго, Краткій Лѣтописецъ, — Туманскаго, Лѣтопись, — Дзѣвовича, Лѣтопись, — Рубана, Малороссійская Лѣтопись, — Сказанія о Гетманахъ Запорожскихъ, — Лѣтопись отъ 1506 по 1734, — Описаніе Малой Россіи отъ 1340 по 1754, — Семейная Лѣтопись Квитокъ, — Отрывки изъ разныхъ Лѣтописей, собранныя Шафронскимъ.

2. Рукописныя Записки: — Описаніе Малой Россіи, Шафронскаго, — Записки о Малой Россіи, его-же, — Евецкаго Записка о Морозенкѣ, —

229255

Записки и Выписки касательно Слободскихъ Полковъ, Цебрикова, — Описание Харьковскаго Намѣстничества, — Разговоръ Хмѣльницкаго съ Байческуломъ въ Царствѣ мертвыхъ, — Выписки изъ Записокъ Миллера о Козакахъ, — Записки Гордона, съ замѣчаніями.

Нѣкоторыя изъ сихъ Лѣтописей и Записокъ доставалъ я отъ Г-дѣ Помѣщиковъ во время моей поѣздки къ порогамъ Днѣпровскимъ, и особенно обязанъ ГГ. Павловымъ, Райкевичу, Подольскому; другіе доставалъ въ Библіотекѣ Харьковскаго Университета, и въ Харьковской Публичной Библіотекѣ; наконецъ не могу не выказать моей признательности за помощь Г. Цебрикову, владѣющему богатымъ запасомъ разныхъ рѣдкостей по части Исторіи Украины, и радушно позволявшему мнѣ пользоваться всѣми своими сокровищами.

3. Думы и Пѣсни. Въ 1-й Книжкѣ II части Зап. Стар. онѣ напе-

чатаны въ подлинникъ. Здѣсь помѣщается ихъ переводъ съ замѣчаніями.

4. Преданія большею частію собраны самимъ мною во время моихъ поѣздокъ по Украинѣ. Нѣкоторыя сообщили мнѣ Г. Цебриковъ, Г. Подольская, Г. Евецкій и, д.

5. Изъ Иностранныхъ писателей, болѣе всего пользовался я Ньсецимъ. Изъ отечественныхъ обязанъ многимъ Бантъшу - Каменскому, котораго Исторія Малой Россіи обоихъ изданій должна быть драгоцѣнна для всякаго, кто занимается этимъ предметомъ, по богатству документальному.

6. Акты и Дипломатическія Записки, относящіяся къ событіямъ, рассказываемымъ въ этой книжкѣ, можно найти отчасти въ Исторіи Малой Россіи, отчасти въ Собраніи Государственныхъ Грамотъ, въ полномъ Собраніи Законовъ, въ Исторіи Уніи и пр.

Въ этой книжкѣ я помѣстилъ сказанія только о тѣхъ лицахъ, ко-

торыя заслужили память народную въ народныхъ пѣснопѣніяхъ, исключивъ впрочемъ жизнеописаніе Мазепы. Надѣюсь въ скоромъ времени издать полное описаніе дѣлъ этого Гетмана. — Равнымъ образомъ отдѣльно изданы будутъ мною и жизнеописанія Бруховецкаго и Дорошенка. —

Что касается до способа изложенія, то я держался и въ этихъ сказаніяхъ того-же правила, какого и въ прежнихъ Лѣтописныхъ опытахъ моихъ: вездѣ, гдѣ только можно было, повторялъ дословно сказанія старыхъ Лѣтописцевъ; довѣрялъ имъ гдѣ они не противорѣчили между собою, а гдѣ противорѣчили, выбиралъ сказаніе того Лѣтописца, котораго считалъ болѣе достойнымъ уваженія. Вообще я разсматривалъ сказанія Лѣтописцевъ какъ преданія, и какъ преданія передавалъ ихъ.

И. Срезневскій.

Харьковъ.

1835.

УКРАИНСКІЯ БЫЛИ.

-
1. Выговскій и Пушкарь.
 2. Юрій Хмельниченко.
 3. Бруховецкій и Морозенко.
 4. Самойловичъ и Мазепа.
 5. Палій.
-

ВЫГОВСКИЙ И ПУШКАРЬ.

1657-1658.

I.

15 Августа 1657 года умеръ Богданъ Хмельницкій, оставляя своего молодого, 16-тилѣтняго сына Юрія подъ опекой Войсковаго Генеральнаго Обознаго Носача, В. г. Судьи Лѣсницкаго и В. г. Писаря Ивана Выговскаго, и завѣщая Полковнику Полтавскому Мартыну Пушкарю — кого-бы ни избрали Козаки своимъ Гетманомъ, всякому говорить свою думу, хранить мѣръ въ Украинѣ, чтить Козацкую славу.

Юрій былъ молодъ; Юрій былъ слабый, немыслящій отрокъ, вѣчный рабъ воли своихъ любимцевъ, хотъ и полный самоувѣренности въ свой умъ и силу воли. Таковъ былъ онъ юношей; такимъ встрѣтили его и раннія сѣдины — не горя сѣдины, а разгульной жизни, — и ни личная храбрость, его одушевлявшая хотъ и рѣдко, ни сердце склонное отъ природы къ добру, ни та хитрость, которая заслужила ему еще въ дѣтствѣ любовь отца — ничто не помогало ему, когда онъ долженъ былъ защищать самъ себя. Отъ Юрія ничего добраго не могла ждать Украина.

Его старшіе опекуны — Носачъ и Лѣсницкій — были такіе-же ничтожные люди, когда-то храбрые, когда-то любимые войскомъ, теперь уже пережившіе самихъ себя, уже искавшіе своего счастья въ томъ, что-бы покойно жить подъ чьей-нибудь защитой.

Оставались два челоѣка изъ пяти, стоявшихъ во главѣ Гетманщины того

времени — Выговскій и Пушкаръ, свѣжіе силами, полные надеждъ. И вотъ кто были они: —

Выговскій былъ Шляхтичъ Польскій, славнаго роду Абданкъ, и служа съ молодыхъ лѣтъ въ войскѣ Короны, всегда отважно проливалъ свою кровь за отчизну, пока судьба указала ему путь въ Украину, пока дала ему саблю Козацкую, и вложила въ его умъ думу — быть на славу Козакомъ, какихъ бывало немного. Въ то время Украина начинала вооружаться противъ Поляковъ подъ начальствомъ Богдана Хмельницкаго. Поляки выслали противъ него войско съ сыномъ Короннаго Гетмана Николая Потоцкаго, — въ этихъ Польскихъ рядахъ былъ и Выговскій. Поляки были разбиты у Никитина Рока и у Желтыхъ водъ, — въ числѣ плѣнниковъ Богдана былъ и Выговскій. Недолго спустя Выговскій былъ уже Козакомъ, любимцемъ Хмельницкаго, — и участь его была рѣшена. Умъ коварный, умѣнье говорить

красно и увлекательно, нравъ уживчивый, самолюбіе, презиравшее всѣмъ для достиженія предположенной цѣли, открыли новому Козаку путь широкій. Приобрѣтши любовь и довѣренность Хмельницкаго, онъ быстро возвышался. Битва Желтоводская была 5 Апрѣля 1646 года, — а въ 1651 году Сентября 8 подъ договорными статьями Хмельницкаго съ Королемъ Польскимъ Выговскій подписался уже Писаремъ Войска Запорожскаго, Писаремъ — правителемъ всѣхъ письменныхъ дѣлъ Гетманщины. Съ тѣхъ поръ онъ былъ правою рукою Хмельницкаго, его лучшимъ совѣтникомъ, лучшимъ другомъ, и дѣлилъ съ нимъ вмѣстѣ труды и славу. Онъ уже не былъ Полякомъ, то есть — казался, что не былъ, и участвовалъ въ дѣлѣ присоединенія Малороссіи къ Державѣ Русской съ такимъ видимымъ усердіемъ, что въ Москвѣ считали его почти столько-же важнымъ какъ самъ Гетманъ Хмельницкій, а Царь Алексѣй Михайловичъ

въ своихъ жалованныхъ грамотахъ Войску Запорожскому не забывалъ его имени ставить рядомъ съ именемъ Хмельницкаго. Послѣ 1654 года Хмельницкій поручилъ все управленіе дѣлъ Выговскому, и Выговскій могъ самовольно править Украйной, какъ старшій, не опасаясь ни враговъ, ни суда. Онъ зналъ какъ поступать, — умѣлъ употреблять въ свою пользу и деньги, и лесть, и угрозы, и обѣты, умѣлъ однихъ заставить молчать, другихъ заставить говорить, и только сохранялъ видимую покорность къ Хмельницкому. Хмельницкій умеръ, — для Выговскаго отрылось новое поприще, отъ котораго онъ много надѣялся.

Не таковъ былъ Мартынъ Пушкарь, Полковникъ Полтавскій. Храбрый вождь на полѣ битвы, любимый всѣмъ Войскомъ, прославляемый за свои подвиги въ народныхъ пѣсняхъ, онъ былъ столько же прямодушень, сколько и храбръ, — ненавидѣлъ своекорыстія, говорилъ всякому правду въ глаза, выводилъ на

чистую воду всѣ подлые замыслы и дѣла своихъ товарищей, не рѣдко саблею защищалъ свою правду противъ неправды другихъ. Вѣрный сынъ Украины, пылкій какъ юноша въ любви къ ней и къ правдѣ, онъ имѣлъ за себя Войско и противъ себя старшинъ, презиралъ ихъ враждою, и тѣмъ болѣе вооружалъ противъ себя.

Такимъ людямъ, какъ Выговскій и Пушкаръ, досталось остаться первыми въ Украинѣ по смерти Хмельницкаго, править ею, хранить миръ, чтить Козацкую славу. — Они не могли ужиться. Кому-нибудь изъ двухъ должно было сойдти съ поприща, по крайней мѣрѣ замолчать предъ своимъ товарищемъ, если не совсѣмъ погибнуть.

II.

Выговскій провозгласилъ Юрія Хмельниченка Гетманомъ, сталъ управлять Гетманщиной отъ его имени, и

умѣлъ склонить многихъ на свою сторону — кого обѣщаніями, кого страхомъ. Всѣ молчали предъ его волей, — не смолчалъ одинъ Пушкаръ. Узнавши о его самовольномъ распоряженіи Гетманщиной, Пушкаръ написалъ къ Выговскому: — Не намъ, товарищъ, съ тобою быть гетманами, наслѣдниками славнаго имени Богдана. Если Генеральный Судъ повѣрилъ тебѣ Юрія Хмельниченка, то храни его, а не дѣйствуй за него; остерегай его отъ худаго, а не дѣлай худаго его именемъ. Знай, что и на судью всей Украины есть судьи неслѣпые, нечѣмые, неувѣчныя. — Можетъ быть, и прежде Пушкаръ и Выговскій враждовали другъ съ другомъ; теперь должна была для нихъ начаться рѣшительная борьба, и она должна была открыть собою длинный рядъ междоусобій, ожидавшихъ Украину по смерти Богдана Хмельницкаго.

Кто знаетъ, что думалъ Выговскій, читая письмо прямодушнаго Пушкаря.

Въ иныхъ обстоятельствахъ онъ, можетъ быть, презрѣль-бы имъ; но не могъ презрѣть ими теперь: онъ надѣялся обратить его въ свою пользу. Притворясь оскорбленнымъ, Выговскій прочелъ письмо Пушкаря на первомъ засѣданіи Генеральнаго Суда. Онъ говорилъ, принося жалобу на неpravую обиду: — Не какъ Выговскій, простой Козакъ, товарищъ Войска Запорожскаго, прошу призору, а какъ опекунь молодаго Гетмана, какъ избранный всѣмъ Войскомъ быть защитникомъ юноши. Дѣла мои всѣ предъ вашими глазами. Судите меня, и осудите невиннаго, если вамъ любо распрями поминать память вашего покойнаго Гетмана. — Выговскій надѣялся выиграть, и выигралъ: всѣ члены Суда взяли его сторону. Онъ могъ быть еще смѣлѣе.

Недолго спустя Выговскій получилъ позволеніе брать съ собою kleй-ноты Гетмана, когда случай заставитъ его идти на войну; потомъ онъ сталъ

подписываться Гетманомъ «на той часъ Войска Запорожскаго»; наконецъ, удаливъ Юрія Хмельниченка въ Кіевъ будто бы на ученье, провозгласилъ себя Гетманомъ на три года, и началъ самовольно распоряжаться Войсковою казною. — Пушкарю-ли было молчать, и Пушкаръ снова написалъ къ Выговскому такое же ругательное письмо. Онъ писалъ къ Выговскому, что его крамолы довольно понятны, что его желаніе быть Гетманомъ не есть желаніе всего Войска; были и угрозы. Въ то-же время Пушкаръ написалъ и въ Генеральный Судъ, извѣщая о дошедшихъ до него слухахъ, будто Выговскій захватилъ въ свое распоряженіе деньги не только Войска, но и лично принадлежація Юрію Хмельниченку какъ наслѣднику отца (около 1,000,000, по словамъ Лѣтописей) — и окончилъ донесеніе такъ: — Странно, что Судъ ничего этого не знаетъ, или зная, позволяетъ собою шутить, и не помнитъ послѣдней воли Богдана. — Пушкаръ

вспомнилъ и о Царѣ Русскомъ, Алексѣѣ Михайловичѣ, и послалъ къ нему въ Москву гонца Мартына Юнквича, извѣщая Его Царское Пресвѣтлое Величество о смятеніяхъ Украинскихъ. — Напрасно. Юнквичъ былъ схваченъ и заморенъ голодомъ; а Генеральный Судъ не обратилъ никакого вниманія на донесеніе вѣрнаго сына Украины, если только оно дошло до него. Выговскій продолжалъ самовольничать попрежнему.

III.

Между тѣмъ въ Москвѣ, получивши отъ Кіевскаго Воеводы Бутурлина извѣстіе о кончинѣ Хмельницкаго, ничего не знали о томъ, что происходило въ Малороссіи. Это побудило Государя послать къ Генеральному писарю Выговскому и Старшинамъ выговоръ за неуведомленіе его о смерти Богдана. Выговоръ повезъ въ Сентябрѣ 1657 года Полковникъ Стрѣлецкій голова Арта-

монъ Сергѣевичъ Матвѣевъ съ дьякомъ Перфильемъ Оловянниковымъ.

Выговскій оправдывался тѣмъ, что въ самый день смерти Хмельницкаго онъ приказалъ - было ѣхать съ вѣстію объ этомъ тремъ служителямъ въ Москву, но что Старшины стали бунтовать и говорить, будто онъ, желая получить Гетманство, отправляетъ своихъ людей отъ себя, а не отъ всего Войска Запорожскаго, — и вотъ почему, прибавлялъ Выговскій, онъ ограничился извѣщеніемъ Кіевскаго Воеводы Бутурлина и Князя Ромодановскаго, прося ихъ донести обо всемъ Его Царскому Величеству.

Вслѣдъ за Матвѣевымъ прибыли въ Москву Козацкіе Посланники Есауль Юрій Мипевскій и Сотникъ Ефимъ Коробка съ извѣстительнымъ письмомъ Выговскаго объ избраніи его Гетманомъ и съ просьбою къ Царю отъ всего войска Запорожскаго объ утвержденіи его въ этомъ достоинствѣ. Просьба была принята милостиво, — и Козацкіе Послац-

ники воротились въ Украину съ Царской милостивою грамотою и съ увѣдомленіемъ, что ближній окольнічій и Намѣстникъ Ржевскій Богданъ Матвѣевичъ Хитрово назначенъ для приведенія къ присягѣ избраннаго Гетмана.

IV.

Въ такомъ положеніи были дѣла на Украинѣ, когда Пушкарь созвалъ вольную Раду, и предложилъ на ней своимъ приверженцамъ обуздать силою оружія самовластіе Выговскаго: — Презрѣнный Полякъ владѣеть нами: чего добраго! Онъ предастъ насъ опять въ руки Католиковъ, и снова настанетъ для нашей родины страшная година Гетмановъ Острияницы и Полтора-Кожуха. А мы уже-ли будемъ молча ему повиноваться, уже-ли добровольно предадимъ на поруганіе себѣ, жонѣ и дѣтей нашихъ, и склонимъ равнодушно наши головы подъ ярмо деспотовъ?—Такъ го-

ворилъ Пушкаръ на вольной Радѣ. Согласились собирать дружины.

Предсказанія Пушкаря скоро стали оправдываться. Выговскому нѣчего было сомнѣваться въ полученіи достоинства Гетманскаго, — онъ сталъ думать о другомъ — о княжествѣ, надѣялся получить его съ помощію Хана Крымскаго и Поляковъ, и вошелъ съ ними въ переговоры. Дворъ Польскій обольстилъ его обѣщаніями, и вырвалъ у него клятву передать снова Украину подъ власть Поляковъ. Немного значила клятва Выговскаго, нетрудно было Выговскому забыть о ней; но эта клятва должна была быть для него самаго выгодна, и онъ далъ ее. Онъ готовъ былъ расточать клятвы, и умѣлъ ими пользоваться.

Предсказанія Пушкаря начали оправдываться, — и Пушкаръ послалъ къ Царю доносъ съ голицомъ Яковенкомъ, а самъ между тѣмъ началъ приготавливать дружины.

Грозна была туча, собравшаяся

надъ Выговскимъ; но онъ сумѣлъ предотвратить ее, — покрайней мѣрѣ на время, если не на всегда. Облекши себя личиною вѣрно-подданнаго, онъ извѣстилъ Царя, будто Поляки, соединясь съ Княземъ Ракоціемъ и Ханомъ Крымскимъ хотятъ напасть на Россію; ласково принявъ Боярина Хитрово, послѣдившаго пріѣхать въ Украину для слѣдствія по доносу Пушкаря; повидимому смиренно каялся во всѣхъ своихъ проступкахъ, даже отказывался не только отъ Гетманства, но и отъ опекуинства; — и успѣлъ дотого обмануть Бояръ, что его утвердили Гетманомъ. Въ Переяславлѣ на Радѣ Выговскій поклялся на Евангеліи служить вѣрно Царю Московскому; Митрополитъ Кіевскій Діонисій Балабанъ благословилъ его, и Хитрово вручилъ ему Гетманскую булаву.

А Пушкарь . . . Пушкарь уже выступилъ-было съ своей 20-титысячною дружиною, уже дошелъ-было до Лубенъ; но тутъ встрѣтился съ Бояриномъ Хит-

рово, выѣхавшимъ къ нему по просьбѣ Выговскаго, — и Царскій указъ, повѣлявшій ему быть въ полномъ послушаніи у Выговскаго, принудилъ его возвратиться въ Полтаву. Презирая личною враждою и помня вѣрность Царю и вѣрность завѣту Богдана Хмельницкаго, онъ смирился, и только вотъ-что написалъ къ Выговскому: — Царь утвердилъ тебя Гетманомъ нашимъ: быть такъ. Я подь твоимъ началомъ, и буду вѣрно служить тебѣ, — но помни, только до тѣхъ поръ, пока ты самъ не укажешь мнѣ пути идти противу долга присяги.

V.

Клятва вѣрности Царю Русскому и клятва вѣрности Королю Польскому мирились въ коварномъ сердцѣ Выговскаго; его правила чести позволяли ему смотрѣть на обѣ равнодушно и обѣ употреблять въ пользу. Онъ продолжалъ переговоры съ Поляками. Новыя тучи со-

бирались; но онъ надѣялся на себя и на свое счастье.

Выговскій не могъ скрыть своихъ поступковъ отъ Украинцевъ. Замыслы его немногимъ были извѣстны; но дѣла его заставляли догадываться, что замыслы его злы, — и Украина стала волноваться. Начало тревоги положили храбрые Линчаевцы.

Линчаевцы, подобно Слободско-Украинскимъ Козакамъ, хранили твердо привязанность къ Царю Русскому. Многіе изъ нихъ погибли за это отъ Поляковъ, многіе замучены въ темницахъ Выговскимъ; но духъ, оживлявшій ихъ смѣлую кравчину, не упалъ отъ преслѣдованій. Во имя Царя и родины Линчаевцы не только выступали на Поляковъ, какъ на враговъ православія, но и грабили и разбойничали въ Польшѣ. Несчастія и правота Пушкаря и самовольство Выговскаго привлекли ихъ на сторону перваго противъ послѣдняго. Нѣсколько тысячъ вольныхъ ратниковъ яви-

лись къ нему, предлагая свои услуги, обѣщая истребить Выговскаго и весь родъ его, и всѣхъ друзей его. — Всѣхъ погубимъ — говорили ихъ Атаманъ Федоръ Личай, — всѣ погубимъ наши души, но не погубимъ нашей родины, и не попустимъ погибнуть Гетманщинѣ отъ рукъ злодѣевъ. Богъ, Царь, твоя правда и наша сабля спасутъ тебя, — а Выговскаго да не будетъ. — Предводитель нѣкоторой части низовыхъ Запорожскихъ Козаковъ, Кошевой Гетманъ Барабашъ сталъ также на сторону Пушкаря противъ Выговскаго. — Мятежъ народный готовъ былъ вспыхнуть.

Принимая въ Чигринѣ Пословъ Польскихъ, Шведскихъ и Волошскихъ, Выговскій могъ ждать недобраго и изъ Москвы. Пушкаръ, не начиная военныхъ дѣйствій, отправлялъ къ Царю доносъ за доносомъ. Выговскій думалъ устрашить Пушкаря, какъ челоуѣка богобоязненнаго, властію духовною, неблагословеніемъ Митрополита Діонисія; но

отвѣтъ Пушкаря былъ таковъ: — Если Ваша пастырская милость будетъ карать своимъ неблагословеніемъ, то да караетъ она кого-либо, кто служитъ царямъ невѣрнымъ, а у насъ одинъ православный Царь. — Выговскій вздумалъ наконецъ самъ жаловаться Царю на Пушкаря, и съ такою жалобою отправилъ въ Москву Протопопа Максима Филимоновича, извиняясь между прочимъ передъ Царемъ въ томъ, что по причинѣ возмущеній и для охраненія Украины отъ Поляковъ, не можетъ быть самъ въ Москвѣ. Царь началъ уже сомнѣваться въ вѣрности Выговскаго и послалъ въ Чигринъ Подьячаго Якова Портомойна хоть и съ милостивою грамотой къ Гетману, но давъ ему приказаніе наблюдать за его поступками.

Выговскій надѣялся впрочемъ отогнать отъ себя всю бѣду.

Между тѣмъ какъ Пушкаревцы стали открыто бунтовать, Выговскій, пользуясь милостивою грамотой Царя,

послалъ къ нему Полковника Миргрѣд-
 скаго съ просьбою о помощи войскомъ
 противъ Пушкаря и Барабаша; а самъ
 велѣлъ Полкамъ Нѣжинскому и Старо-
 дубскому выступить противъ Пушка-
 рецезъ. Когда-же эти полки ослуша-
 лись его приказа, отказавшись поднять
 оружіе противъ братьевъ-товарищей,—
 когда потомъ его наемное войско Сербо-
 Польское и Татарское при рѣкѣ Груни
 и не подалеку отъ Полтавы было такъ
 разбито Пушкаревцами, что принуждено
 было обратиться въ бѣгство, оставя въ
 плѣну у Пушкаря много своихъ вождей
 и въ томъ числѣ Господаря Гадяцкаго
 Тимошу; тогда Выговскій нашель дру-
 гое средство, болѣе сильное. Искусно
 распустилъ онъ слухъ, что Царь хочетъ
 сдѣлать важную перемѣну въ устройствѣ
 Войска Запорожскаго, убавить число
 Козаковъ и многихъ обратить въ драгу-
 ны, что уже высылаетъ свое войско для
 занятія Украины, съ тѣмъ что-бы съ
 его помощію начать свои распоряженія.

Это разглашеніе имѣло свое дѣйствіе. Напрасно Пушкарь разувѣрялъ Козаковъ: они вѣрили болѣе слухамъ для нихъ скорбнымъ, и отставая мало-помалу отъ Пушкаря, приставали все болѣе къ войску Выговскаго. — Почти въ то-же время Пушкарь и Барабашъ получили Царскія Грамоты со Стольникомъ Ольѣимовымъ и дворяниномъ Волковымъ, запрещающія имъ бунтовать, а Ромодановскому вѣлно идти въ Украину для возстановленія тишины; между тѣмъ какъ Выговскій ожидалъ въ Гадячѣ Комиссаровъ Польскихъ для послѣднихъ переговоровъ.

Такъ Выговскій устраивалъ свои дѣла, и выслалъ на Пушкаря свою громадную толпу.

VI.

Не время уже было Пушкарю смириться. Онъ зналъ, какъ жестоко Царь обмануть, предвидѣлъ послѣдствія,

надѣялся на милость Царскую, а можетъ быть уже не надѣялся на свою силу, которая безпрестанно слабѣла, между тѣмъ какъ сила Выговскаго все болѣе росла. — Что будетъ, то будетъ, а мы идемъ, — писалъ Пушкарь къ Царю, увѣряя, что не жалѣеть своей жизни за Его Величество, и за него поднялъ оружіе.

Города, села, храмы Господни въ Восточной Украинѣ пылали, Татары грабили беззащитныхъ, уводили въ плѣнъ, а Поляки убивали; и наконецъ у Липовки сошлись рати Выговскаго и Пушкаря. Битва была грозная; но Пушкаревцевъ было мало, а Выговцовъ несчетное множество, — храбрость уступила силѣ, Пушкаревцы отступили къ Полтавѣ. Черезъ нѣсколько дней Выговцы осадили Полтаву

Помолился Пушкарь Богу на побѣду и на гибель, и началъ послѣднее дѣло. Искусно и храбро онъ повелъ его. Во время одной вылазки онъ успѣлъ,

несмотря на малочисленность своего войска, отнять не только пушки и весь обозъ у своего врага, но и Гетманскую булаву; а въ другой разъ обратилъ самого Выговскаго въ бѣгство. Но ни искусство, ни храбрость не помогали. Къ Выговскому подоспѣла новая помощь — 40,000 Татаръ подъ Начальствомъ Карамбея, а въ Полтавѣ умирали отъ голоду; Выговскій приказалъ зажигать окружные хутора и пригородки, а въ Полтавѣ нѣчемъ было тушить домовъ городскихъ, подожженныхъ лазутчиками Выговскаго. Полтава запылала, — и не было возможности ее защищать. У Пушкаря были еще дружины за Полтавой; но онъ не могъ извѣстить ихъ о своей бѣдѣ. Пушкарь собралъ на площади своихъ остальныхъ воиновъ, прощался съ ними, увѣрялъ, что ненаказанный ими Выговскій будетъ наказанъ самимъ Богомъ, принялъ отъ своихъ вѣрныхъ товарищей предсмертную клятву честию умереть за родину, — и грудью

встрѣтилъ вломившихся въ Полтаву Выговцевъ. — Такой сѣчи небыло и не будетъ, какова была эта Полтавская — Августа 19 дня 1656; не будетъ и такихъ храбрыхъ и честныхъ Козаковъ, какъ Пушкаръ и его товарищи. — Всѣ они пали; палъ и Пушкаръ, изнемогшій отъ ранъ, — и безвѣстная могила приняла остатки этого рыцаря великодушнаго, благодушнаго и неподвижнаго въ вѣрности къ Царю и родинѣ.

Оставались еще дружины, преданныя дѣлу Пушкаря подѣ Лубнами и Гадячемъ, и взяли эти города. Выговскій отрядилъ туда Полковника Нѣжинскаго Григорія Гуляницкаго: города осаждены, и подобно Полтавѣ взятые приступомъ преданы огню и мечу. — Нѣсколько сотъ Пушкаревцевъ, стоявшихъ подѣ Глуховомъ, также всѣ погибли.

Царское войско съ Княземъ Ромодановскимъ вступило-было въ Украину; но Выговскій поспѣшилъ поблагодарить Царя и извѣстить его, что онъ уже не

имѣеть нужды во вспомогательномъ войскѣ, — и Ромодановскій получилъ повелѣніе возвратиться.

Выговскій освободился отъ врага соперника, — и могъ теперь безъ препоны продолжать свои замыслы

Когда нибудь расскажу, что дѣлалъ онъ на Украинѣ послѣ гибели Пушкаря, какъ передался Польшѣ, какъ измѣнилъ Царю Русскому, какъ сдѣлался Сенаторомъ и Воеводою Русскимъ, какъ потомъ бѣжалъ въ Польшу, и какъ наконецъ погибъ отъ рукъ самихъ Поляковъ: Пушкаря не стало; но Пушкаревы должны были восторжествовать.

Подробности о Выговскомъ и Пушкарѣ взяты мною изъ Разговора Хмельницкаго съ Байческуломъ, изъ Лѣтописи Дзѣвовича, Сказаній о Гетманахъ Малороссійскихъ, изъ Записокъ Шафонскаго. Кое-что дополнено изъ Исторіи Малой Россіи. — Въ концѣ книжки помѣщены Пѣсни въ Русскомъ переводѣ, объясняющія сказанія Лѣтописцевъ: N 1 и 2.

ЮРІЙ ХМЕЛЬНИЧЕНКО.

1658-1680.

L

Было у Богдана Хмельницкаго два сына, и ни одному не досталось въ удѣль быть наслѣдникомъ славы отца. Старшій сынъ, Тимофей, храбрый и благородный юноша, погибъ еще при жизни отца; а Юрій, младшій сынъ, и долго жилъ, да нетакъ прожилъ свою жизнь, какъ ждалъ отецъ, какъ надѣялась Украина.

Шестнадцатилѣтнимъ юношей остался онъ по смерти Богдана Хмельницкаго. Ему ничего не доставало ни денегъ, ни любви народной; доставало только воли,

характера. Онъ былъ все еще дитя. Онъ объявленъ Гетманомъ; а до времени совершеннолѣтїя его назначена опека, и опекунами избраны Войсковой Обозный Носачь, Войсковой Судья Лѣсницкій и Войсковой Писарь Выговскій. Выговскій былъ умнѣе, лукавѣе другихъ, и сдѣлался его любимцемъ, его умомъ и волей. Не довело это до добра: Выговскій отослалъ Юрія въ Кіевъ учиться; а самъ сдѣлался Гетманомъ. Юрій не учился, а гулялъ; не имѣя сильныхъ друзей, не умѣлъ, не могъ самъ ничего предпринять, хоть и сожалѣлъ о потерянной булави; гулялъ, и въ разгулъ забывалъ свое горе. Такъ прошло два года.

Между тѣмъ Выговскій гетманствовалъ, погубилъ Пушкаря и съ нимъ много подобныхъ ему, вѣрныхъ сыновъ Украины, измѣнилъ Царю, передался на сторону Поляковъ, заключилъ съ ними договоръ въ Гадачѣ 6 Сентября 1658 года, вооружилъ противу себя Украину, — и вотъ - когда уже открылся Юрію случай

явиться на родинѣ лицомъ дѣйствующимъ. Линчаевцы, мстя за смерть Пушкаря Выговскому, рѣшили выбрать Юрія своимъ начальникомъ, надѣясь, что имя его заставитъ многихъ послѣдовать ихъ примѣру, и дастъ имъ счастье отнять у Выговскаго булаву Гетманскую и погубить его, какъ они обѣщали когда-то Пушкарю. Линчаевцы не ошиблись: вслѣдъ за ними къ Юрію пристали многіе Полки Заднѣпровскіе, — и Выговскій принужденъ былъ бѣжать изъ Украины. — Юрій сосредоточилъ на себѣ вниманіе, надежду всей Гетманщины. Онъ долженъ былъ сдѣлаться Гетманомъ, и сдѣлался.

Какимъ Гетманомъ — это зависѣло не отъ него, а отъ его любимцевъ. Къ счастію Украины любимцы Юрія были въ это время Полковникъ Нѣжинскій Василій Золотаренко и Яковъ Самко, «льцарь Его Пресвѣтлаго Царскаго Величества товарищъ статный»: они были удачные люди, любили Украину, — съ ними и Юрій былъ удаченъ, и любилъ Украину.

Не мудрено, что онъ показалъ себя славнымъ Гетманомъ.

Едва только освободившись отъ Выговскаго, онъ встрѣтилъ новаго честолюбца въ Полковникъ Переяславскомъ Тимошѣ Цюцюрѣ, который, вооружась предъ-тѣмъ противъ Выговскаго и Поляковъ, призванныхъ имъ въ Украину, такъ счастливо повелъ свое дѣло, что жестоко разбилъ Поляковъ подъ Нѣжиномъ, заставилъ ихъ бѣжать изъ Чернигова и изъ другихъ городовъ Украинскихъ, и, содѣйствуя болѣе другихъ къ освобожденію Украины отъ Поляковъ, вздумалъ искать Гетманства. Юрій не зналъ, что дѣлать, горевалъ, — и сдѣлалъ однако такъ, какъ не ожидалъ и самъ Цюцюра: онъ отрядилъ противъ него Самка, разбилъ и принудилъ отказаться отъ его замысла на обладаніе булавой.

Потомъ, когда Король Польскій старался преклонить Юрія на сторону свою, Юрій опять не зналъ, какъ быть, — принималъ ласково Воеводу Волынскаго, и

обѣщался Королю служить вѣрно; но и этотъ поступокъ Юрія можно было послѣ считать выдумкою недоброжелателей. Честно отпустивши Воеводу Волынскаго, онъ увѣдомилъ о его прїѣздѣ къ нему Царя, а къ Потоцкому писалъ, чтобы онъ немедля вышелъ съ своимъ Польскимъ войскомъ изъ Украины. Когда-же Потоцкій не почелъ нужнымъ послушаться, Юрій и противъ него послалъ войско, и Потоцкаго выгнали насильно, заставивъ его проиграть нѣсколько кровопролитныхъ сраженій.

Оставалось Юрію для полнаго утвержденія въ Гетманскомъ достоинствѣ получить на это согласіе Царя Алексѣя Михайловича. И въ этомъ дѣлѣ сначала Юрій поступалъ противъ своихъ выгодъ, не соглашался ѣхать въ Переяславль къ Князю Трубецкому для присяги Царю, будто боялся Русскихъ, предлагалъ условія присяги, несообразныя съ прежними договорными статьями, которыя признаны были Богданомъ Хмельницкимъ, и вообще,

казалось, не рѣшался сдѣлаться подданнымъ Царскимъ. Но и здѣсь дѣло кончилось не такъ какъ шло, и кончилось совершенно выгодно для Юрія. Въ Переяславѣ, какъ желалъ Царь, собралась Рада Войсковая, на ней выбрали Гетманомъ Юрія, и 17 Октября 1659 года Юрій присягнулъ въ вѣрности Царю, обязываясь хранить статьи договора 1654 года и новыя статьи, утвержденныя имъ въ дополненіе къ тѣмъ статьямъ. По этимъ новымъ статьямъ Гетманъ, съ согласія всей Рады, обязался — всегда быть готовымъ со всѣмъ войскомъ, куда ни будетъ Его Царское изволеніе, — безъ мотчанья посылать полки на Государеву службу, куда Царь укажетъ, — сохранять вѣрность Царю не предаваясь Полякамъ и казня возмутителей, — никогда не ходить на войну безъ повелѣнья Царскаго, никому не позволяя идти на помощь инымъ Царствамъ подъ опасеніемъ наказанія, — въ Войско не принимать никого кромѣ православныхъ христіанъ, — никого изъ

начальныхъ людей самовольно не карать безъ высланнаго на судъ отъ Царскаго Величества, — бѣглецовъ Русскихъ и Литовскихъ не принимать въ Войско и запрещать переселяться изъ Украины въ Литву, наказывая смертію ослушниковъ, — и пр. Тутъ-же было постановлено, что-бы ни Гетманъ самовольно не выбиралъ и не свергалъ съ достоинства старшинъ Войсковыхъ, ни Гетмана Войско непременяло безъ указа Царскаго. Въ городахъ Кіевѣ, Переяславѣ, Нѣжинѣ, Черниговѣ, Брацлавѣ и Умани положено жить съ ратными людьми Русскимъ воеводамъ, коимъ запрещено вступаться въ Войсковыя права и вольности. — Слѣдствіемъ присяги Юрія было устройство Войска Запорожскаго, правильное раздѣленіе на полки и реестрованіе всѣхъ Козаковъ; а Универсаломъ Гетманскимъ подтвержденъ старинный обычай — всѣ важныя дѣла рѣшать на Радѣ и на Радѣ избирать старшинъ не иначе какъ изъ природныхъ Козаковъ, а не изъ новокрещенныхъ ино-

земцевъ. Миръ и тишина водворились въ Украинѣ, строго наблюдалось Правосудіе, а мятежные Уніаты за Днѣпромъ были искусно усмирены. Украина отдохнула, и благословляла Юрія.

Невадолго — сказалъ - бы всякій, кто зналъ Юрія; невадолго и было. Возобновились военныя дѣйствія съ Поляками, стихшія было со-времени бѣгства Выговскаго въ Польшу, возобновились ихъ предложенія Юрію искать покровительства подъ Короной Польской, перемѣнились любимцы у Юрія, — и все пошло иначе.

Военныя дѣйствія въ 1660 году начались въ Литвѣ, которая занята была тогда Русскими съ Княземъ Хованскимъ. Полководцы Польскіе Чарнецкій и Самѣга, разбивъ авангардъ Русскій у Словима, пошли къ Ляховичамъ, разбили здѣсь Хованскаго 28 Іюля, заставили его отступить къ Полоцку, и овладѣли Вильной и большею частію Литвы. Между тѣмъ другое войско Польское съ Потоцкимъ

и Любомирскимъ пошло въ Украину. Сначала-было Шереметевъ съ Русскими и Козаками сразилъ ихъ подъ Дубномъ и угрожалъ Польшѣ; но вѣсти изъ Литвы, вѣсти о союзѣ Татаръ съ Поляками, впаденіе Татаръ въ Украину, возмущенія Козаковъ измѣнили ходъ обстоятельствъ: Русскіе отступили, отдѣлились отъ Козаковъ, потеряли другъ друга, были нагнаны Потоцкимъ у Любартова на Случи, разбиты и преслѣдуемы до Чуднова, гдѣ снова разбиты и гдѣ Шереметевъ утвердилъ присягою постыдный для Русскихъ договоръ, попался въ руки Татаръ, и двадцатилѣтнимъ плѣномъ долженъ былъ искупить позоръ свой и своего войска. Въ то самое время когда Потоцкій имѣлъ дѣло съ Шереметевымъ, Любомирскій сражался съ Козацкимъ войскомъ, которымъ начальствовалъ самъ Юрій; для Козаковъ тутъ было не лучше какъ съ Шереметевымъ, а Юрію была со всѣмъ бѣда. Онъ не зналъ какъ быть, страдалъ отъ верѣшинности, метался во всѣ сто-

роны, у всѣхъ требуя совѣта и за совѣты награждалъ наказаніемъ, какое въ голову ему приходило — кого приказывалъ окочувать и бросить въ темницу, кого посадить на колъ. Онъ рѣшался уже отступить отъ Царя и предаться на сторону Поляковъ; но когда ему Полковникъ Коломій привезъ статьи условій отъ Любомирскаго, онъ приказалъ убить его, и изорвалъ статьи. Наконецъ въ Слободищахъ завязалось рѣшительное сраженіе. Поляки овладѣли Козацкимъ станомъ, и поражали цѣлый день Козаковъ. Юрій дошелъ до отчаянія, далъ обѣтъ постричься въ монахи, если избѣгнетъ гибели; а потомъ рѣшился на то, отъ чего, можетъ быть, волосы стали у него дыбомъ отъ боязни Царской опалы; самовольно пошелъ онъ въ станъ Польскій и предался въ руки Любомирскаго. Разумѣется, его обласкали, оживили его замиравшее сердце общаніемъ милостей Королевскихъ; а потомъ заставили подписать договоръ, подобный Гадяцкому, 18 Сентября 1660 года. Юрій

съ радостію подписалъ его, предавая власти Короля всю Украину и себя, и обязываясь помогать Полякамъ изгонять изъ Украинны Русскихъ, — съ радостію, потому-что это примиреніе съ врагами своими онъ отпраздновалъ пиромъ, заставляя батогами Козаковъ пѣть пѣсни и плясать на забаву Полякамъ.

Опять прояснѣло на сердцѣ и въ умѣ слабодушнаго Юрія. Его не тревожило, когда Поляки овладѣли Украиной, когда Іезуиты и Жиды снова, какъ бывало въ годину Уніатской войны, стали руйновать православную вѣру: Юрій сдѣланъ Гетманомъ Заднѣпровской Украинны, а любимцу его Мартыну обѣщано Гетманство Гадяцкое Восточной Украинны. Его не потревожило и счастье Самка съ Золотаренкомъ и Силичемъ, которые соединили свои войска, привлекли на свою сторону многихъ другихъ Полковниковъ, и изгнали Поляковъ изъ Восточной Украинны: Самко былъ Наказной Атаманъ и могъ сдѣлаться Гетма-

номъ; но Юрій не пересгаваль надѣяться на Поляковъ, надѣяться, что они успѣють раньше или позже овладѣть опять Украиной и дать ему Гетманскую булаву. Проясѣла душа Юрія до новой бѣды, а бѣды ему ждать было недолго.

И вотъ въ какомъ состояніи была Украина въ 1661 году, когда Царь сталъ помышлять, кого избрать Гетманомъ: — Юрій оставался Гетманомъ Чигринскимъ подъ властію Польши; въ Познзовѣи властвовалъ Иванъ Мартынецъ, ушедшій отъ Юрія, потерявши надежду на Гадяцкое Гетманство; по сію сторону Днѣпра Наказной Атаманъ Самко враждоваль съ Золотаренкомъ, прежнимъ своимъ другомъ, и оба искали у Царя милости и Гетманской булавы. И всюду въ Украинѣ сражались; Юрій съ Цецурою, домогавшимся также Гетманства, — Мартынецъ съ Татарами, съ Самкомъ, съ Поляками, — Самко съ Золотаренкомъ и съ Поляками. Всюду сражались, и ни

зима, ни переговоры не прерывали длинной цѣпи битвъ. Тутъ снова началась бѣда для Юрія.

Въ 1661 году зимою Юрій съ своими Козаками и Татарами перешелъ черезъ Днѣпръ къ Трубежу, и осадилъ Переяславль, — Самко встрѣтилъ его, разбилъ и заставилъ бѣжать: вотъ чѣмъ началась бѣда Юрія. Въ Январѣ 1662 года Юрій нанялъ Татаръ, и снова перешелъ за Днѣпръ, — Золотаренко разбилъ Татаръ у Нѣжина и Стародуба, Самко — самаго Юрія у Хотомли и Ирклеева, и опять заставилъ его спастись бѣгствомъ: часъ-отъ-часу Юрію было хуже. Весною однако Юрій снова явился у Переяславля съ сильнымъ войскомъ, обложилъ его, — но снова разбитъ Самкомъ, и снова бѣжалъ. Юрій готовъ былъ помѣшаться: три не удачи, одна другой хуже, и нѣтъ надежды; а жажда властвовать мучить, мучить и раскаяніе, что измѣнилъ присягѣ Царю. Рѣшился онъ еще разъ попытать счастья, и, воспользовавшись

битвами Самка съ Татарами, успѣлъ наконецъ овладѣть Переяславлемъ. Удача молніей освѣтила его черную думу: онъ оставилъ въ Переяславль часть войскъ, и пошелъ къ Гадячу. Удача только молніей освѣтила его черную думу: Самко быстро явился подъ Переяславлемъ, взялъ его, бился жестоко и отчаянно, получилъ отъ Ромодановскаго вспоможеніе, напалъ на Юрія, и погналъ его и Татаръ за Днѣпръ къ Каневу. Этимъ дѣло не кончилось: Юрій окопался близъ Канева;— Русскіе и Козаки окружили его станъ, овладѣли имъ 16 Іюля, разбили Поляковъ, присланныхъ Королемъ на помощь Юрію, разбили Татаръ, прогнали Юрія, и взяли Каневъ, потомъ Черкасы и другія мѣста. У Юрія нашлась . было еще рѣшимость сопротивляться, и нашлось счастье разбить Русскій отрядъ подъ Бужинномъ; но это былъ на этотъ разъ послѣдній взрывъ молніи: оставленный Поляками безъ помощи, оставленный любимцами безъ совѣта, безъ соучастія, мучась ожи-

давими несчастій, не зная что предпри-
 вить, онъ вспомнилъ о своемъ обѣтѣ
 сдѣлаться инокомъ, удалился въ Жиди-
 чевскій монастырь, и подъ монашескимъ
 клобукомъ, ставши изъ Юрія Гедеономъ,
 искалъ спасенія и утѣшенія въ обману-
 тыхъ надеждахъ въ молитвѣ. Юрій мо-
 лился, — Юрій, которому было только съ
 небольшимъ 21 годъ, молился монахомъ. . .

II.

Прошла одна половина жизни Юрія;
 оставалась другая. Молитвой кончилъ онъ
 одну, — успѣеть-ли кончить и другую
 молитвой!

Не надѣялся Юрій на это: не могъ
 онъ остаться равнодушнымъ къ булавѣ
 и бунчуку, хоть и онъ ему также были
 къ лицу, какъ власявица и клобукъ. —
 Отмолвившись, утѣшившись, онъ снова
 задумалъ думу Юріевскую, забывая что
 онъ уже Гедеонъ.

Инокъ Гедеонъ, онъ началъ свою
 иноческую жизнь тѣмъ, что переходилъ

изъ монастыря въ монастырь, вель дурную жизнь, болѣлъ, крамольничалъ, — каялся, и снова предавался прежнему. Сыскались люди, которые заставили его сожалѣть о его добровольномъ вступленіи въ монастырь, завидовать Павлу Тертерѣ, который гетманствовалъ послѣ него въ Заднѣпровской Украинѣ, будучи покорною слугою Поляковъ, между тѣмъ какъ Иванъ Мартынецъ сдѣлался въ 1663 Гетманомъ Восточной Украины, управлялъ самовластно ею подъ зависимостію Царя Московскаго, которому присягнулъ въ Ноябрь 1663, и вмѣстѣ съ Русскими сражался противъ войскъ Польскихъ, перешедшихъ черезъ Днѣпръ подъ предводительствомъ самаго Короля. Сыскались совѣтники и помощники, предложившіе ему свои услуги противъ Тетери: голова Юрія помутилась; рука подписала универсалъ, приглашавшій Козаковъ собираться подъ знамена его, подъ знамена Гуляницкаго. уже собравшаго за Юрія толпу Козаковъ, — началось дѣло. Это

было въ концѣ 1663 года, а въ 1664 году . . .

Юрій снова оплакивалъ свою судьбу — въ темницѣ Маріенбургской: оклеветанный Тетерей, мстившимъ ему за его желаніе отнять у него булаву, онъ былъ взятъ Поляками подъ стражу изъ Мошнинской пустыни, въ которой тогда ожидалъ сбора своихъ сообщниковъ, — и поѣхалъ въ Маріенбургъ. Тамъ нашлась тюрьма и для него, и для Гуляницкаго, и для Митрополита Кіевскаго Іосифа Тукальскаго. Такъ прошло еще три года.

Когда Юрій возвратился въ Украину въ 1667 году, вмѣсто Опары, заступившаго мѣсто Тетери Гетманомъ Чигринскимъ былъ уже, съ 1665 года, Петръ Дорошенко, когда-то бывший въ числѣ любимцевъ Юрія и подписавшій вмѣстѣ съ нимъ Слободищанскій договоръ 1660 года съ Поляками; а на Востокъ, по сію сторону Днѣпра все еще владычествовалъ Иванъ Мартынецъ: этотъ оставался вѣрнымъ Царю, заключивъ съ нимъ въ 1665

*Зубъ
не за-
мар!*

новыя договорныя статьи; а тотъ на условіяхъ Гадыцкаго договора 1658 года подчинился Польшѣ, но, послѣ Андрусовскаго мира Польши съ Россіей въ 1667 (Января 3), вступилъ въ переговоры съ Русскими, уже прежде сблизившись съ Татарами и Турками, обманывалъ всѣхъ — и Поляковъ, и Русскихъ, и Хана, и Султана, и искалъ быть независимымъ.—Когда же я буду Гетманомъ? Юрій спросилъ однажды у Дорошенка, — и этого одного вопроса было достаточно, что бы для Юрія прошелъ еще годъ не лучше Маріенбургскихъ годовъ: Дорошенко былъ остороженъ, дорожилъ своимъ гетманствомъ умнѣе другихъ, не могъ не остерегаться Юрія, къ которому имя отца привлекало все еще многихъ; Дорошенко сдѣлалъ Юрія Архимандритомъ, но держалъ при себѣ, не спуская съ него своихъ провицательныхъ глазъ. Не разъ видали молодаго двадцати шести лѣтняго Архимандрита въ слезахъ, какъ дитя, у бунчука Дорошенкова, и недаромъ

говорили, что Архимандритъ Гедеонъ плохой пастырь. Къ чему не доведетъ горе! Юрій былъ тогда уже сѣдъ, и въ 26 лѣтъ казался старикомъ исчахлымъ, поблекшимъ... Юрій былъ добръ отъ природы, малодушень и трусливъ еще болѣе, — не мудрено, что его не переставало мучить хоть изрѣдка раскаяніе въ томъ, что онъ измѣнилъ Царю, измѣнилъ присягъ, данной на Евангеліи — и такой присягъ, которая дѣлала его Гетманомъ Украины, которая дала ему славу и нарушеніе которой повело его къ тысячѣ бѣдъ. Была однажды въ Чигринѣ торжественная служба; служеніе совершали Митрополитъ Іосифъ и Архимандритъ Гедеонъ; на акте-ніяхъ поминали Короля Польскаго, но когда при выносѣ Св. Даровъ, случилось п А. Гедеону поминать власти, онъ помянулъ — Великаго Государя Всеросійскаго.

Прошло болѣе года. Иванъ Мартынецъ дубьемъ былъ убитъ въ Опощѣ отъ народа; Запорожцы, не смотря на то

что Гетманомъ долженъ былъ быть Многогрѣшный, провозгласили вмѣсто его Гетманомъ Суховія; Суховій соединился съ Ханенкомъ противъ Дорошенка, а потомъ успѣлъ склонить на свою сторону и Юрія. Враги сошлись подъ Стеблевымъ, — Дорошенко одержалъ верхъ, разогналъ воиновъ Суховія, и Хмельницкій снова попался въ руки Дорошенка. Архимандритъ падалъ въ ноги Гетмана, молилъ простить его, — и посланъ окрѣпленнымъ въ Константинополь. Въ Семибашенномъ замкѣ сыскалось для него мѣсто такое-же покойное, какъ прежде въ Мариенбургѣ. Тамъ встрѣтилъ онъ 1670 годъ, — тамъ провелъ онъ цѣлые 7 лѣтъ. Чего не надумаешь, сидя въ тюрьмѣ! надумалъ и Юрій свое, надумалъ надежду на свое малодушіе: надѣясь склонить Султана въ свою пользу, если приметъ Мугамеданскій законъ, онъ не устыдился сдѣлаться отступникомъ—Мугамеданиномъ. Онъ надѣлъ чалму, богатый охобень, и вышедши на свѣтъ Божій, сталъ

расхаживать по Константинополю, какъ истый Турокъ, бритый, усатый, борода-тый, веселый и важный; а потомъ — ему дали полную свободу, и, пожаловавши титуломъ Князя Малороссійской Украины, отпустили въ Украину, взявши съ него обѣщаніе передать Украину подъ Турецкую власть.

Это было въ 1677 году. Дорошенко, неперестававшій искать независимости обманомъ и вооружившій наконецъ противъ себя даже многихъ изъ своихъ собственныхъ Козаковъ, принужденъ былъ покориться Царю и лишиться Гетманства въ 1676 году, — и Гетманъ Иванъ Самойловичъ, заступившій въ Восточной Украинѣ мѣсто Многогрѣшнаго въ 1672 году, писался Гетманомъ обѣихъ сторонъ Днѣпра. Россія была въ войнѣ съ Польшей, и Гетманъ Самойловичъ былъ заодно съ Царемъ Федоромъ Алексѣевичемъ противъ Яна III Короля Польскаго, который, желая покорить Украину, называлъ Гетманомъ Евстафія Гоголя, между ?

тѣмъ какъ Султанъ старался также овладѣть Заднѣпровскою Украиной, и также воевалъ съ Яномъ до тѣхъ поръ, пока не заключилъ съ нимъ мира въ 1676 году Октября 16. Лѣтомъ 1677 года 60,000 Турецкаго войска подъ начальствомъ Ибрагимъ - Паши вошли въ Украину соединились съ 40,000 Татаръ, и 3 Августа обложили городъ Чигринъ. Тутъ былъ и Юрій; но его надежда на помощь Козаковъ не исполнилась: онъ нашелъ только 60 человекъ, которые рѣшились защищать Мугамеданина. Болѣе трехъ недѣль длилась осада Чигрина, — Русскіе и Козаки терпѣли много, Хмельницкій посылалъ лазутчиковъ, хотѣлъ деньгами купить себѣ привязанность Козаковъ, думалъ обмануть ихъ, выставляя знамена съ изображеніемъ св. Креста; но Чигринъ не сдался, Козаки не вѣрили Юрію, сражались храбро вмѣстѣ съ Русскими, заставили Турокъ и Татаръ снять осаду 29 Августа, обратили въ бѣгство, выгнали изъ Украины, — и Ибрагимъ . Паша вмѣ-

стѣ съ другими военачальниками Турецкими былъ наказанъ смертію отъ Султана, а Хмельницкій скрылся въ Молдавію.

На другой годъ Татары и Хмельницкій опять явились около Переяслава, и опустошали Полкъ Переяславскій до тѣхъ поръ, какъ Турецкое войско снова вошло въ Украину. Около 120,000 враговъ собралось тогда къ Чигрину. Украина молилась о спасеніи отъ гибели, а Хмельницкій торжествовалъ, наслаждаясь ожиданіемъ булавы. Онъ уже былъ опять Христіаниномъ, или лучше сказать научился быть какъ Жидъ тѣмъ, чѣмъ было надо: Христіаниномъ былъ онъ передъ Козаками и успѣлъ привлечь на свою сторону болѣе 4000, — Мугамединомъ былъ передъ Турками. Съ Іюня 8 почти до конца Августа денно и ночно бились Русскіе съ Козаками противъ Турокъ, Татаръ, Волоховъ, и хотя не могли защитить Чигринъ отъ разоренія и пламени, однако прогнали опять Турокъ съ ихъ союзниками далеко вонъ изъ

Украины. Какъ сражались Русскіе и Козаки, я расскажу когда избудь. Битвы эти можно помнить Русскимъ и потомкамъ Козаковъ, вспоминая объ удалой и мужественной храбрости предковъ.

Не терялъ однако надежды Хмельницкій. Ему оставалось жить уже только ко два года; но и въ два года для него могло пройти много хорошаго и дурнаго, — и Хмельницкій продолжалъ не щадить крови соотчичей для достиженія своей цѣли. Когда-то онъ дѣйствовалъ какъ дитя малодушно; теперь опытъ научилъ его не страдать отъ малодушія, а развѣ пользоваться имъ. Для него ничего не было священнаго; а честолюбіе не давало покоя. И какъ не желать насладиться хоть на мигъ, страдавши такъ долго! — Хмельницкій остался за Днѣпромъ, разсылалъ оттуда по всей Украинѣ свои универсалы, именовъ отца, именовъ Вѣры православной убѣждалъ Козаковъ соединиться съ собою, кого не могъ преклонить волей, заставлялъ под-

чиняться себѣ неволей, — и успѣвалъ. Немировъ былъ его столицей; Кальникъ, Липецъ, Жорянице, Жаботинъ, Корсунь, Мошанъ, Черкасы ему принадлежали; сдались потомъ и многіе другіе города. Татары его окружали; Татары толпами бродили по Заднѣпрію, и грабили, и жгли села и города, и лили кровь. Хмельницкій на все смотрѣлъ равнодушно, распоряжался по своему, гордясь титломъ Князя Украины, и помышлялъ уже войти въ переговоры съ Царемъ Русскимъ и Королемъ Польскимъ, сохраняя впрочемъ вѣрность Султану. Такъ прошли два года, и наступилъ 1680 годъ.

Пришла пора; часъ его пробилъ. — Однажды пировалъ онъ въ своемъ замкѣ, окруженный любимцами, и съ хохотомъ слушалъ рассказы Татаръ, о ихъ удавствѣ надъ Украинцами. Нѣсколько Козаковъ стояло у дверей, и также слушали, смотря на хохотъ Князя Украины, на хохотъ сына Богдана, котораго вся Украина называла не даромъ сво-

имъ отцомъ и спасителемъ, сына, когда-то бывшаго только малодушнымъ, а теперь сдѣлавшагося извергомъ, злодѣемъ для родины. Козаки ожесточились, бросились на него, бросились на Татаръ.... Еще не разсвѣло, а хотя Немировъ и былъ въ пламени, — но всѣ Татары были уже мертвы. Козаки вывели израннынаго Хмельницкаго на площадь, долго мучили, и потомъ издыхающаго бросили собакамъ. Успѣлъ-ли онъ помолиться, кто знаетъ; но Козаки успѣли ему отомстить за себя и за всю Украину.

Такъ-то кончилъ свою жизнь этотъ Юрій Хмельницкій, осрамившій память своего отца, столько-же разорившій Украину, сколько отецъ ее любилъ, — столько-же презрѣнный памятью народной, сколько отецъ для нее драгоцененъ. Въ жизни о немъ жалѣли; по смерти и жалѣть перестали.

Главнѣйшимъ источникомъ для этого сказанія были для меня Записки Шафонскаго.

Незначительныя дополненія сдѣланы по другимъ Летописямъ, которыхъ извѣстія сравнивалъ я съ повѣствованіемъ Бантыша Каменскаго и съ Актами. Извѣстіе о смерти Юрія взято изъ Записокъ Шафонскаго: оно подробнѣе другихъ и, кажется, правдоподобнѣе. — Пѣсни, сюда принадлежащія, помѣщены въ Припискахъ: N 3 и 4.

БРУХОВЕЦКІЙ И МОРОЗЕНКО.

1668.

I.

Не много было такихъ случайныхъ счастливецъ въ Украинѣ какъ Бруховецкій; не много и такихъ рыцарей какъ Морозенко.

До 1668 года были они друзьями; а потомъ . . . Но вотъ кто были они:

У Богдана Хмельницкаго былъ слуга — Мартынецъ; вѣрно служилъ ему, потомъ сыну его Юрію, — и можетъ быть навсегда остался-бы вѣрнымъ слугою — Хмельницкихъ, если-бы желаніе

отмстить за обиду, нанесенную ему Самкомъ, бывшимъ тогда любимцемъ Юрія, не навело его на другое желаніе, на желаніе добыть себѣ силу и славу. Онъ быстро возвысился на степень Кошеваго Атамана; а черезъ два года послѣ этого, въ 1663 году, онъ уже владѣлъ булавою Гетманскою, былъ силенъ и славенъ, и казнями торжествовалъ свое возвеличеніе. Съ тѣхъ поръ Мартынецъ исчезъ, — явился въ Украинѣ ясневельможный Гетманъ Иванъ Мартыновичъ Бруховецкій. Пронырливый, умѣвшій казаться чѣмъ хотѣлъ, умѣвшій столько же быть любимымъ одними, сколько былъ ненавидимъ другими, онъ привязалъ къ своей побѣдной олесницѣ многихъ, — и не мало храбрыхъ рыцарей Украины готовы были проливать за него кровь, готовы были потерять и жизнь. Межъ ними былъ и Морозенко.

Морозенко прославился своими подвигами еще до 1648 года, до того незабвеннаго 1648 года, когда Украина взволно-

валась противъ Поляковъ, возбуждаемая Богданомъ Хмельницкимъ. Еще болѣе сталъ славеиъ Морозенко въ этомъ году — безжалостною ревностію къ Православной Вѣрѣ и ненавистью къ Полякамъ, Жидамъ и Уніатамъ, — и эта ревность и ненависть не слабѣли въ продолженіе всей войны Хмельницкаго съ Поляками, до 1654 года. Послѣ Хмельницкаго Морозенко, оставаясь вождемъ особенной дружины, проводилъ жизнь попрежнему; но уже рѣдко сражался съ Поляками, а чаще съ Татарами. Имя его гремѣло въ Украинѣ, и пѣсни народныя воспѣвали его подвиги. — И вотъ когда Бруховецкій, возвысися въ Украинѣ, и стараясь привлечь на свою сторону всѣхъ, кого любилъ народъ, сталъ искать его дружбы.....

Бруховецкій и Морозенко сдѣлались друзьями. Дивились, какъ могли подружиться они, какъ могъ быть Морозенко такъ простодушень, такъ легкомыслень; но Морозенко тщеславился

дружбою Гетмана, давалъ ему совѣты, а Бруховецкїй, зная всю важность слуховъ объ этой дружбѣ, старался ее поддерживать, тщательно скрывалъ все свое злое отъ Морозенка, или выказывалъ въ другомъ видѣ. И дружба не прерывалась до 1668 года.

Бруховецкїй владѣлъ Восточною Україною; а Западная, считавшая своимъ Гетманомъ Петра Дорошенка, по Андрусовскому договору между Россїей и Польшей, должна была остаться владѣніемъ Польскимъ. Слухи носились, что и Восточная Украина будетъ также уступлена Польшѣ. Дорошенко рѣшился кровью защищать свою власть за Днѣпромъ; а Бруховецкїй, боясь потерять Гетманство и не надѣясь на свою силу, задумалъ иное. Онъ началъ переговоры съ Ханомъ Крымскимъ и съ Турками; онъ рѣшился предаться подъ власть Султана.

Въ Гадячѣ собралась Рада Старшинъ Войсковыхъ, изъ которыхъ боль-

шая часть была изъ простыхъ Запорожцевъ. Бруховецкiй обѣщаль добычи, награды, милости Султана, увѣрилъ всѣхъ, что лучше покориться Туркамъ, нежели быть подъ зависимошю Русскаго Царя или Польскаго Короля, — и Старшины подали другъ другу руки — единодушно возстать противъ Русскихъ, прося защиты и покровительства у Султана. — Всюду стали приготовляться къ войнѣ, между тѣмъ какъ Степанъ Гречаный посланъ въ Крымъ къ Хану съ просьбою выслать войско въ помощь противъ Русскихъ, а Григорiй Гамалѣя поѣхалъ въ Константинополь съ предложенiемъ подданства отъ Гетмана и ото всѣхъ Старшинъ. Смятенiе быстро распространялось по всей Украинѣ: приготовленiя полковыя, универсалы Бруховецкаго, разносившия злыя слухи на счетъ Царя и Русскихъ, пожары городовъ и сель его начали, — и весной еще того же 1668 года Русскiе могли держаться уже только въ Кiевѣ, Переяславлѣ, Чер-

ниговъ и Нѣжинъ. Народъ самъ не зналъ, чего искалъ: онъ возставалъ на Русскихъ; не рѣдко видали, что выходили толпами Украинцы и на Украинцевъ, сами не зная за что будутъ драться, и сражались, сами не зная за что проливаютъ кровь. Когда Царь выслалъ въ Украину войско съ Княземъ Ромодановскимъ, мятежь кипѣлъ уже всюду. Бруховецкій хотѣлъ - было уѣхать въ Константинополь; но, вполне надѣясь на выигрышь, остался.

Морозенко ходилъ въ это время въ походъ противъ Татаръ, на несчастной битвѣ подъ Перекопомъ былъ взятъ въ плѣнъ, — и, можетъ быть, ожидалъ уже казни. Бруховецкій узналъ объ этомъ, ходатайствовалъ объ освобожденіи Морозенка, возвратилъ ему свободу, и надѣялся отъ его храбрости и отъ любви къ нему народа новой опоры себѣ и своему замыслу. Морозенко изумился нечаянному освобоженію, узналъ, въ чемъ дѣло, — и его неча-

висть къ невѣрнымъ Мугамеданамъ указала ему его обязанность. — Проклятый Мартынецъ обманулъ меня; я не обману его. Я не пролью ни одной капли крови, развѣ свою; но ему не жить, и родной Украинѣ не быть подлою даницей Агарянь! — Изъ друга Бруховецкому, Морозенко сдѣлался его злѣйшимъ врагомъ.

Возвращаясь черезъ Запорожье, онъ не думалъ скрывать своей думы. Онъ напротивъ предложилъ Козакамъ искать себѣ Гетмана, указалъ на Дорошенка, говоря что онъ только обманываетъ Султана, соглашаясь быть подъ его покровительствомъ; а Бруховецкаго обвѣщалъ сбыть съ рукъ. Въ то самое время когда Козацкое посольство отправилось къ Дорошенку съ просьбою принять Восточную Украину подъ свое управленіе, Морозенко посѣшилъ собрать дружину, и вышелъ съ нею на Татаръ, которые тогда вошли въ Украину на помощь

Бруховецкому. Бруховецкій узналъ объ этомъ, думалъ подкупить Морозенка золотомъ, — и вмѣсто благодарности за золото получилъ отъ него въ отвѣтъ совѣтъ готовиться къ смерти и покаяться въ послѣдніе дни жизни. — Морозенко два раза разбилъ Татаръ, и уже надѣялся успѣть изгнать изъ Украины, какъ лазутчики Бруховецкаго вдругъ схватили его, и повезли къ Бруховецкому въ оковахъ. — Это не смутило Морозенка, — онъ клялся, что или погибнетъ, или убьетъ «проклятаго». Морозенка бросили въ тюрьму, и держали дзѣ недѣли; потомъ Бруховецкій самъ пришелъ къ нему, и снова предложилъ золото за свободу, лишь-бы онъ поклялся, что будетъ защищать его: Морозенко стоялъ на своемъ. Бруховецкій вздумалъ пыткой заставить Морозенка дать желаемую клятву; но и пытка осталась напрасною: Морозенко вытерпѣлъ всѣ муки, и твердо устоялъ на своемъ.

Можно было надѣяться, что Моро-

зенко погибнетъ, но судьба ему помогала: онъ освободился изъ тюрьмы. Бруховецкій готовъ былъ съ сильнымъ войскомъ выступить къ Котельвѣ, которую держали въ осадѣ Русскіе съ Княземъ Ромодановскимъ; а Татары были уже въ Опощнѣ. Морозенко не зналъ, какъ быть: врагъ его силенъ; а у него дружина слаба, и притомъ онъ далъ клятву самому себѣ — не пролить капли Козацкой крови, отмщая Бруховецкому. — Морозенко рѣшился переломить на время свой нравъ, лишь-бы вѣрнѣе достигнуть цѣли. До сихъ поръ онъ былъ простодушень, прямодушень, былъ откровенень и въ чувствахъ привязанности, и въ чувствахъ злобы и вражды: теперь онъ не будетъ такимъ съ Бруховецкимъ. Чего не можетъ сдѣлать Украинецъ, чего не могъ сдѣлать Козакъ Днѣпровскій, лишь-бы захотѣлъ: Морозенко надѣлъ личину, которою до сихъ поръ гнушался. — Онъ самъ пришелъ къ Бруховецкому, и предложилъ свои услуги. Бруховецкій

не понялъ Морозенка, ласково принялъ его, расказалъ свои планы, и сдѣлалъ его начальникомъ части своего войска; а Морозенко хитро скрывалъ свое намѣреніе.

Два врага, сдѣлавшись на время друзьями, какими были прежде, вывели свои дружины къ Опошиѣ, съ тѣмъ, что-бы тамъ соединиться съ Татарами и съ ними вмѣстѣ направить путь къ Котельвѣ. Морозенко снова былъ совѣтникомъ Бруховецкаго, распоряжался самъ вмѣсто Бруховецкаго, все болѣе увѣряя его въ своей къ нему привязанности; а между тѣмъ извѣстилъ обо всемъ Дорошенка, и все войско Бруховецкаго умѣлъ искусно преклонить на свою сторону, сколько могъ болѣе. — Путь до Опошии былъ путемъ радости для Бруховецкаго; въ Опошиѣ онъ окончилъ переговоры съ Татарами, и пировалъ отъ всей души. Морозенко дѣлилъ съ нимъ его радость: можно было подумать, что то не Морозенко.

И вдругъ, едва только вышли они изъ Опoшнн, Дорошенко перерѣзалъ имъ путь. Бруховецкій вздумалъ было сражаться; но всѣ Козаки его вооружились противъ него, а Морозенко велѣлъ его связать, и отвести къ Дорошенку. Бруховецкій молилъ у Морозенка о помилованіи, обѣщалъ отдать ему все свое имущество, — Морозенко хохоталъ.

На другой день снова былъ пиръ для Бруховецкаго въ Опoшнѣ; но на этотъ разъ былъ пиръ иной. Морозенко, по волѣ Дорошенка, отдалъ его на муки Опoшнянскому народу и Козакамъ, и отплатилъ ему въ этотъ день за свою пытку, достигши цѣли. Бруховецкаго долго мучили, волоча по площади, и послѣ убили дубьемъ.

А потомъ уже пировалъ Морозенко отъ души, и могъ распѣвать свою пѣсню, напѣвая въ ней что всякому будетъ отъ него то-же, что было »проклятому« Мар-

тынцу, кто вздумаетъ искать спасенія
Украины подъ покровомъ Католиковъ
или Агарянъ.

Ходъ событій заимствованъ много въ этомъ
сказаніи изъ Описанія Малой Россіи отъ
1340 по 1754. Важнѣйшія дополненія взяты
изъ Записокъ Шафонскаго. — Смотри ни-
же пѣсни, сюда относящіяся: N 5.

САМОЙЛОВИЧЪ И МАЗЕПА.

1674 - 1687.

I.

Два года уже гетманствовалъ Иванъ Самойловичъ въ Восточной Украинѣ, и любимый народомъ, любимый Царемъ Московскимъ Алексѣемъ Михайловичемъ, былъ славенъ и счастливъ. Въ 1673 году онъ началъ военныя дѣйствія противъ Дорошенка, владычествовавшаго за Днѣпромъ — отъ имени Поляковъ, подъ покровительствомъ Султана Турецкаго и Хана Крымскаго, съ жела-

ніемъ казаться преданнымъ и Царю Московскому, но всего болѣе желавшаго быть независимымъ, и гордившагося титуломъ Чигринскаго Гетмана Заднѣпровской Украины. Соединившись съ Русскими подъ начальствомъ Князя Ромадановскаго, Самойловичъ имѣлъ такой успѣхъ, что въ короткое время Дорошенко принужденъ былъ остаться при одномъ Чигринѣ, между тѣмъ какъ всѣ почти другіе города Заднѣпровскіе признали надъ собою власть Царя. Многіе изъ этихъ городовъ были скоро послѣ этого отторгнуты Поляками, потомъ снова достались Дорошенку; но сила Дорошенка готова была уже совершенно пасть, и Дорошенко съ каждой новой неудачей видѣлъ все яснѣе необходимость покориться волѣ Царя, а Самойловичъ надѣялся скоро сдѣлаться Гетманомъ обѣихъ сторонъ Днѣпра. — Въ это время былъ въ службѣ у Дорошенка молодой Козакъ Иванъ Мазепа. Онъ былъ родомъ Бѣлоцерковецъ изъ села Мазепиц-

цевъ, Козакъ, и насчитывалъ въ числѣ своихъ предковъ немало такихъ, которые достойно прославились службой въ Войскѣ Запорожскомъ. Впрочемъ, какъ Польскій Шляхтичъ будучи воспитанъ Иезуитами, онъ началъ службу при дворѣ Польскомъ, и былъ прежде пажемъ, а потомъ офицеромъ Гвардіи Короля Польскаго Іоанна Казимира. Онъ служилъ тамъ до тѣхъ поръ, пока однажды какой-то ревнивый мужъ не заставилъ его со стыдомъ и на всегда оставить дворъ Польскій и искать новаго счастья въ жизни Козацкой. Мазепа былъ уменъ, хитръ, отваженъ, красно говорилъ, умѣлъ нравиться, и сталъ служить Козакомъ, полный надеждъ на себя и на свое счастье. Служба Мазепы началась въ Украинѣ у Дорошенка, и Дорошенко не разъ давалъ ему важныя порученія... Въ 1674 году онъ послалъ его въ Крымъ и Константинополь просить помощи: этотъ годъ долженъ былъ перемѣнить судьбу Мазепы. Онъ схваченъ былъ Кошевымъ

Атаманомъ Сѣркомъ, пересланъ къ Самойловичу, и Самойловичемъ отправленъ въ Москву. Быть-бы Мазепѣ, можетъ статься, тамъ, гдѣ потомъ случилось быть Самойловичу, если-бы онъ не помогъ ему. Самойловичъ ходатайствовалъ о немъ, просилъ не ссылатъ въ ссылку а отпустить обратно въ Украину, выхлопоталъ для него позволеніе жить въ Украинѣ, и принялъ его добро и ласково въ свое семейство, когда онъ лишился жены и дѣтей. — Вотъ какъ сошлись два честолюбца Украины, изъ которыхъ одному судьба назначила быть благодѣтелемъ другаго, а другому завидовать первому, ненавидѣть его за благодѣянія и вознаграждать за нихъ тѣмъ, что въ 1674 году и въ голову-бы не пришло никому. Одинъ былъ гордъ, тщеславенъ — тѣмъ болѣе, что выпелъ въ люди изъ простаго званія, другой былъ также гордъ и еще болѣе завистливъ; одинъ надѣялся до стигнуть скоро всего, чего только могъ надѣяться достигнуть, — другой только

достигаль. . . . Они сошлись, — и не такъ должны были разойдтиса, какъ сошлись.

II.

Въ 1676 году Дорошенко осаждевь былъ въ Чигринѣ Русскими и Козаками, — и принуждевь былъ присягнуть въ вѣрно-подданствѣ Русскому Царю Феодору Алексѣевичу, сдавши Самойловичу свои гетманскіе клейноты — булаву, знамя и бунчугъ. Самойловичъ могъ послѣ этого разсылать универсалы по всей Украинѣ, подписываясь Гетманомъ обѣихъ сторонъ Днѣпра.

Въ 1677 году Самойловичъ долженъ былъ начать новую борьбу съ новымъ соперникомъ, — и этотъ соперникъ былъ Юрій Хмельниченко, Мугамеданинъ, покровительствуемый Султаномъ и получившій отъ него титулъ Князя Украины. Соперникъ былъ силенъ; но Самойловичъ надѣялся одержать верхъ и надъ.

нимъ, — и одержаль. Военныя дѣйствія съ Турками и Татарами были кровопролитны, силы враговъ громадны, раздоѣры Козаковъ мѣшали успѣху; но Самойловичъ съ помощію Русскихъ войскъ выдержаль натискъ вражій, усмирилъ Козаковъ, успѣшно дѣйствовалъ противъ набѣговъ Татаръ, — и наконецъ въ 1680 году дождался вѣсти о гибели Юрія. Военныя дѣйствія не стихли и послѣ этого: Поляки возводили своихъ Заднѣпровскихъ Гетмановъ, а Татары тревожили Украину набѣгами каждый годъ; впрочемъ Самойловичъ оставался счастливъ своимъ успѣхомъ.

Въ 1686 году 26 Апрѣля заключень былъ въ Москвѣ миръ съ Польшею, — и по этому миру — Смоленскъ, Дорогобужъ, Бѣлой, Красный, Рославль съ городами и уѣздами, города Сѣверскіе, Черниговъ, Стародубъ, Новгородъ Сѣверскій, Почепъ и др.; вся Малороссія по сію сторону Днѣпра, земли Заднѣпровскія между Ирпенью и Стугной,

съ Кіевомъ, Васильковымъ, Трипольемъ Стайками и со всѣми селеніями, наконецъ земли Козацкія за порогами Днѣпра въ Сѣчи, Козаки по всему Заднѣпровью до устья рѣки Тясмина и до Чернаго лѣса — достались Россіи, а разоренныя мѣста (Ржищевъ, Терехтемировъ, Каневъ, Мошны, Черкасы, Боровица, Бужинъ, Вороновка, Крыловъ и Чигринъ) впредь до дальнѣйшаго постановленія должны были остаться пустыми. Такимъ образомъ Самойловичъ достигнулъ цѣли — сдѣлался властителемъ всей Козачины, оставаясь вѣрнымъ Царямъ Русскимъ.

Иванъ Мазепа между тѣмъ тихо выходилъ въ люди, пробивалъ себѣ троцинку, не щадя тѣхъ, кого встрѣчалъ на ней. — Отлично образованный, хорошо знакомый съ языками Польскимъ, Латинскимъ и Нѣмецкимъ и съ нѣкоторыми науками, особенно съ Исторіей, онъ сдѣлался учителемъ дѣтей Самойловича, и скоро вошелъ въ довѣренность и любовь къ Гетману. Въ 1681 году онъ

былъ уже Знатный Войсковый товарищъ и съ тѣхъ поръ былъ нѣсколько разъ посылаемъ Гетманомъ въ Москву съ важными порученіями; въ 1682 или въ 1685 году Мазепа сдѣланъ Генеральнымъ Асауломъ, а въ 1685 исправлялъ нѣкоторое время должность Генеральнаго Обознаго—втораго лица во всей Украинѣ послѣ Гетмана. Самойловичъ любилъ отъ души Мазепу, называлъ его достойнѣйшимъ изъ Старшинъ Войска Запорожскаго, и не разъ говорилъ ему, что нѣкому кромѣ его, Мазепы, быть Гетманомъ, когда онъ, Самойловичъ, умретъ. — Я-же ужъ старъ, — и недолго мнѣ остается жить. Будь только, Мазепа, вѣренъ долгу и люби родину, какъ доселѣ ее любилъ, — и будешь Гетманомъ.— Мазепа слушалъ, сохранялъ всю видимую привязанность къ Самойловичу; но думалъ не то . . .

Онъ думаль о томъ, что смерти Самойловича ждять долго, что онъ уже и такъ долго ждетъ, и что пора перестать ждять, пора начать думать о своемъ будущемъ. Мазепа былъ честолюбивъ и властолюбивъ, важнаго сана Гетманскаго для него было мало, и обстоятельства, въ которыхъ находились тогда Россія, Польша и Турція, внушали ему надежду достигнуть вполнѣ независимой власти въ Украинѣ; но прежде всего онъ долженъ былъ добыть булаву Гетманскую . . . И Мазепа сталъ ее добывать.

Самойловичъ заставлялъ его иногда за бумагами, погруженнымъ въ тяжелую думу, спрашивалъ его, что онъ пишетъ, — и никогда не получалъ отвѣта. Иногда случалось Самойловичу слышать, что Мазепа принимаетъ гостей изъ Польши, переписывается съ знатными Поляками, и Самойловичъ опять обращался

къ Мазепѣ съ вопросами, — и опять Мазепа отвѣчалъ не на вопросъ. Носились слухи, что Мазепа неблагодаренъ Гетману, измѣнилъ ему, думаетъ погубить его, наговариваетъ на него Боярамъ Русскимъ, особенно Голицыну, любимцу тогдашней Правительницы Русской, Царевны Софїи, и что скоро Самойловичъ заплачется, каясь, что отогрѣлъ змѣю на груди своей. Самойловичъ пересказывалъ Мазепѣ эти слухи, Мазепа смѣялся надъ ними, — и согласіе между Гетманомъ и Мазепой оставалось прежнее.

А между тѣмъ слухи носились недаромъ, — недаромъ Мазепа добывалъ Гетманства.

IV.

Онъ добывалъ его, стараясь прибрѣтать уваженіе Бояръ и Старшинъ Козацкихъ, особенно тѣхъ, которые были недоброжелателями Самойловича и услуживать имъ, чѣмъ только могъ; онъ

добывалъ его, привлекая на свою сторону простой народъ и помощію даровъ, и помощію наговоровъ на Гетмана, искусно заставляя думать, что всѣ хорошія распоряженія принадлежать ему, а всѣ дурныя — Самойловичу; онъ добывалъ его и перепискою съ знатными Поляками, съ знатными Татарами. Личину умѣлъ носить Мазепа, — и мѣнялъ личину всякій разъ какъ это нужно было, умѣлъ заставить себя любить и уважать, нимало не разрывая дружескихъ отношеній къ Гетману.

Не наступилъ еще 1687 годъ, а у Мазепы все уже было готово, — и Мазепа только ждалъ случая. Недолго ждалъ онъ.

Въ 1687 году назначенъ въ Москвѣ походъ въ Крымъ, и главное начальство поручено Князю Голицыну, врагу Самойловича. Въ Маѣ Русскія войска были уже въ Украинѣ, и у Самойловича было готово 60,000 отборныхъ Козаковъ. Въ Іюнь войска Русскія и Козацкія двинулись за Конку - рѣку въ Луга... Походъ

былъ неудаченъ, какъ предрѣкалъ Самойловичъ. Трава въ Лугахъ почти всюду была выжжена, здоровой воды почти не было; лошади были не въ состоянїи вести тяжести, и издыхали отъ недостатка пищи и отъ усталости пути, а люди болѣли. Самойловичъ совѣтовалъ лучше воротиться, чѣмъ даромъ губить народъ. Его совѣтъ принять, и 18 Юня войска поворотились тыломъ; 19-го посланъ въ Москву курьеръ съ извѣщенїемъ объ этомъ; а 20 лагерь сталъ у Конскихъ водъ, гдѣ положено было отдыхать нѣсколько дней для облегченїя измученныхъ людей и лошадей, и гдѣ Голицыну должно было подумать, какъ-бы оправдаться въ неудачѣ похода . . .

Онъ прибѣгнулъ къ Мазепѣ съ совѣтомъ, — и не каялся; Мазепа-же только и ждалъ этого. — Я люблю Гетмана Самойловича, уважаю его прежнїя заслуги, — говорилъ Мазепа Голицыну, — но еще болѣе люблю правду, и ясно вижу, что виновникъ бѣдствїй вой-

ска — онъ одинъ. Богъ караетъ его за его честолюбіе, за тайное желаніе сдѣлаться независимымъ обладателемъ Украины, за недоброжелательство къ Русскимъ, за связи съ Татарами, за приказаніе выжечь степи, за всѣ его грѣхи. Да и кто виновенъ можетъ быть, какъ не Гетманъ! Онъ не желалъ этого похода, онъ присовѣтовалъ избрать путь, какой избрали; онъ же потомъ присовѣтовалъ воротиться въ обратный путь. — Къ несчастію, Самойловичъ гордый своимъ савомъ и богатствами, дурно обращался съ Козаками, жестоко наказывалъ ихъ за малѣйшіе проступки, и вооружилъ противъ себя многихъ, дотолъ ему преданныхъ; между тѣмъ какъ другіе — и этихъ было еще болѣе — давно уже питали къ нему ненависть. Голицынъ и Мазепа всѣмъ воспользовались, — и 7 Іюля посланъ былъ доносъ на Самойловича, писанный самимъ Мазепою, доносъ, котораго слѣдствіемъ могла быть только гибель Самойловича. Въ этомъ доносѣ вся неудача похода

была приписана Самойловичу, какъ законному врагу Русскихъ, другу Турокъ и Татаръ, помышляющему сдѣлаться Княземъ Украины и владѣющему ею самовольно и жестоко, — и доносъ оканчивался такъ: — По тѣмъ причинамъ и за его неспособностію все Войско Запорожское желаетъ и со слезами Господа молить, что-бы Великіе Государи для лучшаго управленія Малороссіи и утolenія многихъ слезъ, указали снять съ него Гетманскій урядъ, и на оный повелѣли избрать вольными голосами другаго бодрственнаго, вѣрнѣйшаго и исправнѣйшаго челоука. И о томъ просить все войско Запорожское, чтобъ по снятіи съ Гетмана уряда его, не оставался онъ въ Украинѣ, а взять былъ со всемъ домомъ въ Москву и казненъ. Если-же на сіе прошеніе не послѣдуетъ Монаршаго соизволенія, Войско Запорожское изъ меньшихъ чиновъ, соблюдая свою вѣрную службу, принуждено будетъ поступить съ нимъ по своимъ Войсковымъ правамъ.

и обычаямъ, какъ съ явнымъ къ Великимъ Государямъ недоброхотомъ. — И самъ Мазепа рѣшился подписаться подъ симъ доносомъ. — Чего ожидали Голицынъ и Мазепа, то и случилось. Войска пошли далѣе, и 21 Юля перешли за рѣку Коломакъ; а 22 почта, съ которою посланъ былъ доносъ, возвратилась, и привезла Царскій указъ — взять Гетмана подъ караулъ, и отвезти его въ какой-нибудь городъ въ Великую Россію, а на его мѣсто выбрать новаго Гетмана.

V.

Участь Самойловича и Мазепы рѣшилась. Послушаемъ рассказъ современника очевидца Гордона, (который управлялъ въ походѣ особенной дивизіей), какъ рѣшилась она: —

— Полученіе указа — пишетъ Гордонъ — содержано было весьма тайно, и только одинъ Россійскій Полковникъ, который всегда при Гетманѣ находился:

призванъ былъ къ Голицыну и получилъ приказъ арестовать Гетмана какъ можно тихо. Полковникъ собралъ еще того-же вечера команду, что-бы его взять подъ карауль. Хотя Гетманъ и имѣлъ нѣкоторое подозрѣніе, также и люди его, которые о томъ вѣдали, его остерегали; однако-жъ онъ такого виду на себя показать не хотѣлъ, будто-бы онъ Русскихъ опасался, но что боится только однихъ Козаковъ (конечно, тѣхъ, которыхъ считалъ себѣ врагами). И для того писалъ онъ въ ту-же ночь къ Полковнику, представляя ему учиненныя Россіи вѣрныя и знатныя свои заслуги, и подтверждая клятвою, что онъ ни въ чемъ невиноватъ; просилъ, что-бы, не выслушавъ его, не дѣлалъ ему никакого насильства. Но на сіе письмо (онъ) отвѣту не получилъ. Около полуночи пришелъ къ Боярину и Воеводѣ Голицыну Секретарь Кочубей, и донесъ, что все по его приказу исполнено. Еще до разсвѣта пошелъ Гетманъ въ церковь молиться. Тѣ, которые коман-

дированы были, что-бы взять его под карауль, вошли также въ церковь и дожидались окончанія молитвы. При выходѣ его изъ церкви, подошелъ къ нему офицеръ, и сказалъ ему, что-бы онъ шелъ къ Полковнику, отъ чего онъ не очень устранился. Съ нимъ повели и сына его Якова, котораго въ то время подхватили, какъ онъ хотѣлъ къ отцу идти и его остеречь; но понеже всѣ проходы крѣпко заставлены были, то онъ солдатамъ въ руки псался. Также приказано было взять подъ карауль Гетманскихъ служителей и всѣхъ тѣхъ, на которыхъ имѣли подозрѣнiе. Вкругъ около лагеря поставлены были вездѣ конныя заставы, что-бы никто немогъ пройти и увѣдомить о томъ другаго Гетманскаго сына въ Запорожьи. Гетмана привезли въ худой коляскѣ въ главную квартиру, куда и сынъ его верхомъ за нимъ слѣдовать принужденъ былъ. Въ главной квартирѣ собрались уже всѣ Генералы. Козаки пришли также туда и предложили, что

они, примѣтивши чрезъ довольное время измѣническія Гетмановы намѣренія, объявили о нихъ должнымъ образомъ Высочайшей власти, и того ради надѣются, что онъ, будучи нынѣ подъ карауломъ, по преступленію своему наказанъ будетъ. Голицынъ представлялъ имъ напротивъ того, не отъ приватной-ли какой злобы противъ Гетмана жалоба ихъ происходитъ, и не можно-ли имъ какимъ дружелюбнымъ способомъ помириться. Но они отвѣтствовали, что хотя показанныя отъ него наибольшей части изъ нихъ несправедливости были такъ велики, что они часто хотѣли его изрубить, однако жъ нынѣ больше о томъ не упоминають, но только по должности своей о измѣнѣ его свидѣтельствуютъ. Потомъ привели Гетмана. Голова обвязана была у него бѣлымъ платкомъ, при чемъ онъ на свою серебрянную булаву опирался. Когда ему сказано было, что Козаки на него донесли, то онъ во всемъ заперся, и оправдалъ себя весьма коротко. Отъ сего произошло

между имъ и Козаками жестокой споръ. Нанослѣдокъ вывели его вонъ. Козаки требовали неотступно, что-бы Гетмана наказать, но Генералы того имъ позволить не хотѣли; итакъ отдавъ былъ Гетманъ съ своимъ сыномъ Полковнику, что-бы отвезти его въ безопасное мѣсто въ Великую Россію; а Козакамъ приказано было выбрать новаго Гетмана. — Тельга была готова: Самойловича посадили, и отправили сначала въ Орель, потомъ въ Нижній Новгородъ, и наконецъ въ Тобольскъ. Сына его Якова отвезли въ Енисейскъ; другой сынъ Григорій сосланъ въ Сѣвскъ, и потомъ казненъ.

— Юля 24 собрались знатнѣйшіе изъ Козаковъ къ Боярину и Воеводѣ Голицыну, который велѣлъ имъ прочесть пункты, на кои присягалъ прежній Гетманъ, съ нѣкоторыми перемѣнами. Сими пунктами Козаки были весьма довольны. Послѣ совѣтовано было о пожиткахъ отставленнаго Гетмана, причемъ Голицынъ объявилъ, что онъ будетъ стараться,

чтобъ половина ихъ Козацкому войску отдана была. Какъ потомъ нѣкоторые изъ Козацкихъ Старшинъ, для изъявленія за то благодарности своей, у Боярина спросили, кого онъ желаетъ что бы они избрали Гетманомъ; то предложилъ онъ имъ — Ивана Степановича Мазепу. Еще того-же вечера подали они прошеніе, что-бы всѣхъ, которые съ прежнимъ Гетманомъ въ согласіи были, лишить ихъ чиновъ. Въ Батуринѣ и въ другихъ мѣстахъ, гдѣ находились Гетмановы и дѣтей его пожитки, вельно было всѣ точно описать Июля 25 пошли Стрѣльцы и Выборное войско къ Козацкому лагерю, гдѣ сдѣлана была полевая церковь. Потомъ пошелъ Бояринъ и Воевода Голицынъ, съ прочими боярами и съ знатнѣйшими Офицерами арміи, въ оную церковь, куда всѣ Гетманскіе Знаки публично принесены, и на малый столикъ покрытый богатымъ ковромъ положены были. Около стола стояло нѣсколько стульевъ и скамей. 800 Козаковъ верхами и

1200 пѣшихъ стали вокругъ, около палатки, а знатнѣйшіе вошли въ оную за Гетманскими Знаками вмѣстѣ съ Россійскимъ Генералитетомъ. Четверть часа спустя началась служба Божія, по окончаніи которой всѣ изъ церкви вышли, и Гетманскіе Знаки также вынесены и опять на столикъ положены были. Бояринъ и Воевода Голицынъ говорилъ потомъ ко всему собранію рѣчь, и позволилъ имъ именемъ Его Царскаго Величества выбрать Гетмана по обычаю своему, при чемъ-бы всякій имѣлъ свободный голосъ. Сперва молчали всѣ. Потомъ нѣсколько человекъ назвали Ивана Степановича Мазепу, котораго и прочіе немедленно Гетманомъ объявили. Хотя нѣкоторые и предложили Борковскаго (Генеральнаго Обознаго); однакожь прочіе принудили ихъ молчать, и повторили прежнее свое объявленіе. Какъ послѣ Бояринъ и Воевода у Козацкой Старшины спросилъ, котораго изъ обоихъ они желаютъ, то согласились всѣ на Мазепу.

Потомъ Думный Дьякъ призвалъ къ присягѣ Козацкую Старшину, которая, подписавши помянутые пункты, Гетману дѣйстви-тельно присягала.... Напослѣдокъ разо-сланы были оныя пункты по всеѣмъ городамъ, что бы магистратъ и священ-ники также подписались. —

Мазепа, давши присягу въ вѣрности Царямъ Русскимъ, задалъ пирь Боярамъ и сталъ думать думу, какъ-бы утвердить прочно свою силу въ Украинѣ; а Самой-ловичи недолго страдали въ Сибири и были оплаканы всею Украиной, хотя по-ловина ихъ имущества и роздана была Козакамъ щедрою рукою Мазепы.

Записки Шафонскаго — главный источ-никъ. Я свѣрялъ ихъ съ другими Лѣто-писями, но слѣдовалъ Шафонскому. Осталь-ное взято изъ Записокъ Гордона.

ПАЛІЙ.

I.

Сыномъ простаго Борзнянскаго Козака родился Палій, и провель свое дѣтство по-сельски; когда выросъ, то сталъ ходить съ своимъ отцемъ на битвы, — и 16-ти лѣтъ, обстрѣланный, объѣздившій во всѣ стороны безграничныя границы Украины, съ полной надеждой на саблю и коня, да на мѣткость руки и на бодрость духа, сталъ онъ товарищемъ - Козакомъ, готовымъ по первому отзыву трубы выѣзжать въ поле хоть на Татарь, хоть на Польшу. И зазвучить - бывало труба, —

Палій простится со старымъ отцомъ и съ матерью, выѣдетъ шагомъ за браму своего хуторка, будто печальный, а потомъ помчится, полетитъ на конѣ, и жди его недѣль черезъ двадцать веселаго, беззаботнаго, съ богатой добычей. Научилъ Палія отецъ быть честнымъ, любить родину, за нее и за честь не жалѣть ни крови, ни жизни— и сталъ Семень Палій рыцарь изъ рыцарей, удалый Козакъ.

Когда онъ былъ еще въ дружинѣ Дорошенка, а это было въ 670-хъ годахъ; тогда у Дорошенка, хоть и владѣлъ онъ всей Заднѣпровской Украиной, было немного такихъ, какъ Палій; за то Дорошенко и жаловалъ Палія, награждалъ и долей добычи, и ласковымъ словомъ, и Козацкой посылкой то въ ту, то въ эту сторону—или съ бумагами въ шапкѣ, или съ отрядомъ товарищей перевѣдаться съ вражьей силой. — Только скоро не полюбился ему Дорошенко. Палій сказалъ ему прости, и пошелъ искать счастья въ другихъ мѣстахъ.

Тогда былъ уже онъ круглый сирота: отца убили Поляки, мать умерла, можетъ быть, съ горя по немъ, а другихъ родныхъ у него не было. Между тѣмъ одна изъ вольныхъ Козацкихъ дружинъ кочевала по Днѣпру между Кіевомъ и Трубежемъ и по обѣ стороны Днѣпра за Бугъ и Десну, и не признавая ничьей власти надъ собою, враждовала съ Поляками и съ Татарами, а когда нужно было, то и съ Гетманами правой и лѣвой стороны Днѣпра. Палій пошелъ къ этимъ вольнымъ Козакамъ, принять радушно и радостно, — и скоро сдѣлался однимъ изъ главныхъ старшинъ. Онъ ненапрасно вступилъ въ эту вольную дружину: какъ удалый Козакъ, онъ помнилъ, что долженъ отмстить за смерть отца его убійцамъ, — и теперь могъ мстить имъ въ волю. Что ни весна, онъ сзывалъ своихъ товарищей на Раду, предлагалъ походъ въ Польшу, и потомъ пускался съ ними въ промыслъ — куда-нибудь за Горынь и Случь, или подальше. Козацкій

таборъ подступаль къ какому-нибудь замку, принуждалъ къ сдачѣ, и, довольный добычею, шель далѣе, тѣшась на пути надъ Польской шляхтой и Жидами. Удача веселила товарищей - молодцовъ, неудача не смущала; побѣдивши, они пировали, разбитые бѣжали отъ пораженія къ новой битвѣ, болѣе для нихъ выгодной, и не здѣсь такъ тамъ находили мѣсто для побѣдныхъ пировъ. Палій гоголемъ леталь передъ ними на своемъ сѣромъ конѣ; а они пѣли своему вождю заздравныя и хвалебныя пѣсни, припоминая въ нихъ прежніе походы и побѣды. — Нерѣдко таборъ Козацкій поворачиваль изъ Польши въ степи къ Татарамъ, и нерѣдко приходилось ему тамъ веселиться еще болѣе чѣмъ въ Польшѣ, хоть и не всегда весело было оттуда ворочаться съ отнятыми стадами овецъ или табунами коней.

Независимый въ дѣйствіяхъ, Палій не мѣшался въ междуусобія Козаковъ, когда дѣло шло о судьбѣ Дорошенка, и

равнодушно узналъ, что Дорошенко, осажденный Гетманомъ Восточной Украйны Самойловичемъ, въ своемъ Чигринѣ, принужденъ былъ сдаться и присягнуть въ вѣрности Царю Федору Алексѣевичу, 1676. Палій вель себя по-прежнему. Когда Юрій Хмельниченко сталъ добывать булаву съ помощію Турокъ, когда Украина бѣдовала отъ войны съ этими агарянами, равнодушно узналъ онъ о погибели Юрія. Палій не позавидовалъ Самойловичу, его счастья въ побѣдахъ, его уму и любви къ нему народноѣ, — а можетъ быть и не пожалѣлъ о немъ, когда онъ, оклеветанный Мазепою, принужденъ былъ увидѣть булаву въ рукахъ своего клеветника, и долженъ былъ отправиться въ Сибирь, что-бы тамъ окончить жизнь. Палію было все равно, на чьей сторонѣ была въ Украйнѣ удача, кто бѣдовалъ въ ней: можетъ быть онъ предчувствовалъ, что безсиленъ возстановить миръ на родинѣ, — и только поражалъ ея враговъ....

Когда-же Мазепа сдѣлался Гетманомъ Украинскимъ, и когда тишина' возстановилась на время, Палій уже былъ Полковникъ Хвостовскій и какъ независимый удѣльный Князь владѣлъ землями до Днѣстра и Случи, взимая умѣренную дань съ жителей, и за то охраняя своей дружиной все Заднѣпровье отъ набѣговъ Татаръ. Самуиль Иваненко, котораго въ просторѣчи называли Самусемъ, былъ избранъ Поляками въ достоинство Гетмана Западной Украины, но не былъ слугою Поляковъ, — и Палій считался ему подвластнымъ. У Палія была своя собственная дружина, въ которой можно было встрѣтить и Запорожцевъ, и Гайдамакъ, и городскихъ гулякъ, дружина — охотное войско; былъ и свой станокъ, какъ у Гетмана. И не разъ Палій пугалъ орды Татарскія, не разъ ходилъ подъ Очаковъ и къ другимъ городамъ Чернаго моря; а имя его было славно во всей Украинѣ. Палій-же былъ и богатъ, и доволенъ своимъ житьемъ быть-

емъ, независимъ какъ птица, и воленъ какъ дикій конь. Говорили еще, что у Палія въ самопалѣ серебряныя пули, что саблю его не люди ковали, и что самъ онъ чародѣй.

II.

Такъ жилось Палію, когда Мазепа вздумалъ позавидовать и его счастью, какъ завидовалъ счастью всякаго.

Будучи всѣхъ сильнѣе, всѣхъ выше въ Украинѣ, онъ не переставалъ бояться и завидовать, — и довольно было одного подозрѣнія, ничтожнаго повода, что-бы тотъ, на кого былъ золь Мазепа, заплатилъ тюрьмой или смертію. У Мазепы всюду были лазутчики, доносчики, наемные каты; потому что всюду находилъ онъ враговъ, мятежниковъ, соперниковъ. Врагомъ своимъ считалъ онъ и богача, и храбреца, и хитреца, и народнаго лю-

бимца, и ненавидимаго народомъ, а не освобождать себя отъ врага онъ считалъ преступленіемъ, — и губилъ. Онъ погубилъ почти весь родъ Самойловичевъ, трехъ братьевъ Нечаевъ, Золотуху, многихъ Запорожцевъ, монаховъ; не жалѣлъ стариковъ, не внималъ оправданіемъ невинности; забывалъ чувство сострадательности къ челоуѣку, муча безъ пощады; а старался объ одномъ — дѣлать явно только то, чего не лзя было сдѣлать тайно. — Не таковъ былъ Мазепа, когда, полный силъ, полный надеждъ на себя и на свое счастье, умный, отважный и храбрый, былъ онъ гвардейцемъ Гвардіи Короля Польскаго Іоанна Казимира: тогда былъ онъ еще молодъ и свѣжъ, весель и самодовольенъ, наслаждался настоящимъ, а о будущемъ только мечталъ. Послѣ 1687 года, принявши въ свои руки булаву Гетмана, онъ былъ уже не тотъ: недаромъ прошли 20 лѣтъ жизни; недаромъ онъ терпѣлъ; не даромъ сталъ онъ старикомъ, хотъ и было ему только

43 года, старикомъ полусѣдымъ, полусгорбленнымъ, пожелклымъ, много испытаннымъ. — Такимъ былъ Мазепа, когда счастье, богатство, слава Палія стала чаще и чаще приходитъ ему на умъ, когда ему стало жаль, что есть на Украинѣ такой Козакъ какъ Палій. И сталъ думать Мазепа, какъ-бы погубить Палія. —

Мазепа думалъ не-долго.

Не трудно было Мазепѣ подослать къ Правительству Польскому своихъ клеветовъ, умѣвшихъ оклеветать Палія. Палію все было поставлено въ вину — и его богатство, и его набѣги на Татаръ, и любовь къ нему народа: Палія схватили и отправили въ Магдебургъ. — Однимъ менѣ! — думалъ Мазепа, надѣясь, что тамъ, въ темномъ подвалѣ замка Магдебургскаго, конецъ Палію, и старался уже овладѣть его сокровищами. И что же! Всюду успѣвалъ Мазепа, а съ Паліемъ на этотъ разъ не удалось. Онъ подкупилъ козачку Палія, думая черезъ нее добратся до Паліевыхъ кладовъ, — и,

не добравшись, напрасно погубилъ бѣдную козачку. Онъ искалъ иныхъ средствъ, забывая о самомъ Паліѣ; а Палій какъ тутъ. Задумавъ освободить своего «батка», какъ называли Козаки Палія, они отправили въ Магдебургъ огромный обозъ съ товарами: тутъ были и мѣшки съ хлѣбомъ, и кожи, и Козацкая зброя, и 300 Паліевыхъ рыцарей. Обозъ пробрался вечеромъ въ городъ; а ночью стражи крѣпостныя были перехвачены, крѣпость проломлена, Палій отысканъ, — и тою-же ночью, оставивши фуры въ городѣ и взявши въ замѣнъ ихъ 4 крѣпостныя пушки, неслись Паліевы рыцари на коняхъ вмѣстѣ съ Паліемъ домой. — Поразила эта вѣсть Мазепу: ему оставалось утѣшаться тѣмъ, что онъ велъ дѣло свое тайно, и что рано или поздно Палій не избѣгнетъ его рукъ.

Палій озлился на Поляковъ. До сихъ поръ, считаясь подвластнымъ Самусю, онъ сохранялъ въ продолженіи нѣсколькихъ лѣтъ видимую покорность Королю;

теперь онъ отказался и отъ видимой покорности. — Еще пироваль онъ свой возвратъ на родину, когда Польскіе Гусарскіе Полки, съ Нѣмецкой и Польской пѣхотой, съ пулами и мортирами, съ деньгами и универсалами къ народу противъ Палія, вошли въ Украину. Услышаль онъ объ этомъ, и далъ своимъ товарищамъ слово отмстить Полякамъ по-козацки, какъ бывало-мстиль онъ въ прежніе годы: «пусть не ходять они въ Украину, не разоряють народа, безвиннаго и безъ того бѣднаго.» — Часть дружины Палія, подъ его личнымъ начальствомъ укрѣпилась въ городъ Хвастовъ, а другая часть скрылась въ окрестныхъ лѣсахъ, — и, когда Поляки обложили городъ, Палій подалъ знакъ нападенія, окружилъ Поляковъ, жестоко разбилъ, и принудилъ бѣжать, оставя у Козаковъ много плѣнныхъ и богатый обозъ. — Поляки вывели другое войско подъ начальствомъ Полковника Рустича; Палій сошелся съ нимъ у Бердичева, и снова такъ жестоко

разбилъ, что только небольшой отрядъ спасся бѣгствомъ въ замокъ Мангалѣвскомъ. Палій обложилъ и замокъ, и твердо держалъ его въ осадѣ до тѣхъ поръ, пока Рустичъ не ушелъ тайкомъ изъ замка, оставя своихъ воиновъ безъ начальника; тогда Козаки вломились въ замокъ, перебили Поляковъ и подѣлились богатой добычею. Послѣ этого Палій еще не разъ платилъ Полякамъ своей саблей за Магдебургскій плѣнь.

Не забывалъ Палій и Татаръ, трижды врывавшихся въ его владѣнія въ то время, когда былъ въ заключеніи. Въ 1692 году онъ ходилъ подъ Очаковъ и воротился домой съ Татарскими стадами; въ 1693 онъ соединился съ Козаками разныхъ Малороссійскихъ полковъ, разбилъ Татаръ подъ Кизикерменемъ, на Кодымъ и у Васютова Яра, и опустошилъ часть Бессарабіи; въ 1694 онъ снова пошелъ на Очаковъ, жестоко разбилъ въ немъ Турокъ, и разорилъ городъ, а потомъ завернулъ въ Буджацъ-

кую степь, — и въ оба похода наградила своихъ воиновъ богатою добычею. Палій былъ такъ страшенъ Татарамъ, что одинъ слухъ о приближеніи его войскъ заставлялъ ихъ бѣжать далеко въ пустыни и горы, лишь-бы не попасться на глаза Козакамъ; еще болѣе страшенъ сталъ онъ съ тѣхъ поръ, какъ, сражавшись съ своими охотниками противъ Янычаръ, защищавшихъ однѣ изъ воротъ Очакова, прорвался въ крѣпость по плечамъ Янычаръ, рубя ихъ подъ собою, и въ самой крѣпости убилъ нѣсколькихъ мурзъ: Турки засыпали могилою эти ворота, и прорубили башню въ другомъ мѣстѣ; а эта могила до недавняго времени носила названіе Палиёвой.

Успѣвая въ битвахъ съ Татарами и Поляками, Палій не думалъ о Мазепѣ, и вздумалъ, когда захотѣлъ сдѣлаться подданнымъ Царя Русскаго: онъ просилъ объ этомъ Мазепу, обѣщая служить Его Царскому Величеству вѣрно и честно, и требуя въ вознагражденіе

позволеніе своимъ товарищамъ селиться въ городахъ, подвластныхъ Царю. Палій, конечно отъ чистаго сердца просилъ подданства; но Мазена иными глазами смотрѣлъ на эту просьбу, считая вѣроятно и Палія такимъ-же хитрымъ и двудушнымъ, каковъ былъ самъ: незадолго передъ тѣмъ трое Тагарь были подкуплены Мазеною убить Палія, не успѣли, заплатились жизнью,— и Мазена воображалъ, что Палій знаетъ о подкупѣ, и просьбою о подданствѣ старается прикрыть какое-нибудь злое намѣреніе. Мазена отказалъ Палію, ссылаясь на мирные переговоры, постановленные съ Польшею, и даже запретилъ своимъ Полковникамъ принимать къ себѣ въ службу его Козаковъ. — И этимъ не ограничился Мазена: онъ извѣстилъ Короля Польскаго Августа II о намѣреніи Палія сдѣлаться Царскимъ подданнымъ, прибавя, что Палій думаетъ сдѣлать Царскимъ владѣніемъ всю Западную Украину, которая считалась

полнымъ владѣніемъ Польскимъ; а въ Москву писалъ, что Палій имѣеть злые замыслы противъ Русскихъ, и что бунтуя безпрестанно за Днѣпромъ хочетъ взбунтовать и народъ, живущій по сію сторону Днѣпра. Поляки, и безъ того уже озлобленные на Палія, послали противъ него войско; а Мазепа нанялъ Жидовъ, надѣясь черезъ нихъ захватить Палія въ свои руки. Однако и на этотъ разъ ни тѣ, ни этотъ не имѣли успѣха: Поляки были разбиты, Жиды схвачены и повѣшены, а напавшіе въ то-же время Татары спаслись бѣгствомъ. Что ни употреблялъ Мазепа противъ Палія, ничто не удавалось, — и Мазепа только злился, а вмѣстѣ съ тѣмъ и боялся, чтобы Палій не вздумалъ начать съ нимъ открытую вражду.

Палій между тѣмъ жилъ припѣваючи; овладѣлъ Бѣлою Церковью, убивши всѣхъ Поляковъ и Жидовъ, какихъ нашель, и сдѣлалъ въ Бѣлой Церкви свою столицу, укрѣпивши ее рвами и

валами. Немного спустя Немировъ перешелъ такимъ-же образомъ въ руки Палія, вслѣдъ за нимъ и другіе города, въ которыхъ оставались дотолѣ Поляки, сдѣлались такимъ-же владѣніемъ охотнаго войска Паліева. Поляки высылали противъ него отрядъ за отрядомъ, отнимали у него иногда многіе города, опустошали цѣлыя страны; но сломить Палія было трудно. Бѣлая церковь и Немировъ были сильно укрѣплены и хранили богатые военные запасы, въ храбрцахъ Козакахъ у Палія недостатка не было, — и Палій за одно пораженіе отплачивалъ двумя побѣдами, послѣ которыхъ Поляки обыкновенно спасались бѣгствомъ, оставляя за Паліемъ все, что успѣвали отнять у него, и кромѣ того свои обозы. Напрасно Августъ II просилъ принять участіе въ усмиреніи Паліевцевъ и Мазепу, и Царя Петра I: ни «вѣрный другъ его», какъ называлъ Августъ Мазепу, ни Петръ I, ни просьбы, ни угрозы не могли ничего сдѣлать.

Не принятый въ подданство Русское, не желая быть подвластнымъ Польшѣ, Палій считалъ себя независимымъ, и признавалъ одну свою волю да волю своихъ Козаковъ. — Битвы съ Татарами возобновлялись почти ежегодно, и были для Палія столь-же успѣшны какъ и битвы съ Поляками. Такъ было до 1704 года.

И видали тогда Палія въ Бѣлой Церквѣ, окруженнаго вѣрными Козаками. Хоть и былъ онъ богатъ, какъ никто изъ Козаковъ, хоть и былъ онъ уважаемъ и столько-же гордъ своею славой; но его ни чѣмъ не лзя было отличить отъ другихъ Козаковъ: такой-же длинный усъ, такая-жъ чуприна на бритой головѣ, и синій жупанъ, и соломенная постель, и хата съ кимнатой, и все, какъ у всякаго изъ его товарищей. Его можно было отличить развѣ по черному шраму подъ лѣвымъ вискомъ, напоминавшему одну изъ боевыхъ его схватокъ съ Поляками, да по грозному взгляду. Собирались-ли Козаки на пирь, — распи-

вать медъ и вино, — и Палій былъ съ ними, пилъ и гулялъ, и пѣлъ, и плясалъ; а пускались-ли въ охоту на травлю дикаго звѣря въ степь, — и Палій не отставалъ отъ другихъ. — Онъ былъ уже старъ, хотъ и свѣжъ.

Не зная Мазепа, что дѣлать съ Паліемъ, и задумавъ примириться съ нимъ: — не помогли помощники — думавъ онъ — авось помогу я самъ себѣ, — и написалъ къ Палію ласковое письмо, называвъ его Гетманомъ Бѣлоцерковскимъ, признавалъ его власть въ Заднѣпріи, убѣждалъ покориться Царю, посылая къ нему милостивую Царскую грамоту, обѣщавъ именовъ Царя награды за участіе въ войнѣ со Шведами, которая тогда разгоралась, готовясь вспыхнуть всѣмъ своимъ пламенемъ. Палій не всему вѣрилъ, что писалъ ему Мазепа; но по своему простодушію не могъ ничему не вѣрить: Мазепа звалъ Палія въ Бердичевъ погулять вмѣстѣ и переговорить о дѣлахъ, — Палій напи-

саль ему грубый отвѣтъ, и побхаль. — Не зналъ Палій Мазепы, иначе-бы не воображалъ, что дѣло кончится миромъ. Оно кончилось, какъ и въ голову Палію не приходило: Мазепа ласково принялъ его, Мазепа угощаль его какъ дорогого гостя, каялся въ томъ, что, не знавши его великой души, не спѣшилъ съ нимъ сблизиться, двусмысленно и осторожно отвѣчалъ на всѣ пыкія слова Палія; а потомъ, напоивши Палія пьянымъ, оковаль, — и бросилъ въ тюрьму.

Не прошло двухъ мѣсяцевъ послѣ этаго. Палій, обвиненный въ сношеніяхъ съ Королемъ Шведскимъ, Карломъ XII, въ посягательствѣ на Гетманство, въ разныхъ злодѣянїяхъ, бхаль окруженный стражею, прикованный къ возу, бхаль изъ Москвы — въ Енисейскъ. — Тамъ ему будетъ лучше нежели въ Магдебургъ, — говорилъ Мазепа; овладѣль Бѣлой Церковью и всѣмъ богатствомъ Палія, какое могъ найдти, а

Козаковъ его принудилъ смириться — кого лестію, кого угрозами, кого силой. 12 статныхъ товарищѣй Палія не захотѣли признать власти Мазепы, требовали, что-бы имъ отдали ихъ «батька», — и были всѣ задушены, или потоплены. — Пошелъ Палій одинъ горевать свое горе далеко отъ родины, далеко отъ своихъ удалыхъ товарищѣй, — и не зналъ, что онъ одинъ не только въ Сибири, но и во всемъ мірѣ, что скоро о немъ и говорить перестанутъ въ Украинѣ.

III.

Третье лѣто встрѣчалъ уже Палій на берегахъ Енисея, когда вѣсть о свободѣ освѣжила его увядавшую душу.

Въ Украинѣ много перемѣнилось въ это время. Уже въ 1704 году, когда еще Палій былъ независимымъ владѣтелемъ Бѣлой Церкви, уже и тогда носились слухи, что Мазепа измѣнилъ Царю Петру I, своему благодѣтелю, который его обогатилъ, возвеличилъ и под-

держивалъ своею силою во всѣхъ нашихъ; носились слухи, и говорили даже, что Палій доносилъ объ этихъ слухахъ Царю, и своимъ доносомъ ускорилъ свою недолю. Съ 1706 года слухи стали вѣрнѣе: Мазепа велъ переговоры съ Карломъ XII, съ Лещинскимъ, котораго Карлъ XII хотѣлъ возвести на престолъ Польскій вмѣсто Августа II, съ Поляками; собиралъ Старшинъ Козацкихъ на пиры, увеселялъ ихъ, потчивалъ, какъ никогда прежде; распространялъ по Украинѣ злыя вѣсти о Петрѣ I, о его намѣреніяхъ;—потомъ, когда надобно было дѣйствовать оружіемъ въ пользу Петра I, онъ дѣйствовалъ лѣниво, противъ выгодъ Царя, или притворялся больнымъ, и ничего не дѣлалъ. Доносъ за доносомъ и случай за случаемъ все болѣе должны были обвинять Мазепу предъ Царемъ; но Петръ I все еще вѣрилъ Мазепѣ, или по крайней мѣрѣ казалось, что вѣрилъ; а Мазепа, ведя все далѣе свои переговоры съ Карломъ XII и съ Поляками,

мстиль доносчикамъ, какъ онъ имѣлъ
обычай мстить — мстиль безжалостно.
Въ 1708 году пошли по Украинѣ снискисъ съ договорныхъ статей Мазепы съ Карломъ XII и новымъ Королемъ Польши Станиславомъ Лещинскимъ. Мазепѣ мало было, что онъ былъ Римскій Князь, Дѣйствительный Тайный Совѣтникъ и Кавалеръ Андрея Первозваннаго; онъ хотѣлъ быть еще Владѣтельнымъ Княземъ Полоцкимъ и Витебскимъ на правахъ Курлянскаго Герцога, и мало-ли еще чего хотѣлъ Мазена; а желая достигнуть всего этого, онъ обязался Карлу XII впустить его безопасно въ Малороссію, помочь ему Козацкимъ Войскомъ и вмѣстѣ съ нимъ идти на Москву. Въ Октябрѣ 1708 года — Мазена уже присягнулъ въ вѣрности Карлу XII, отдалъ ему свой бунчукъ, — и проклятъ въ Малороссіи. Тогда только Петръ пересталъ сомнѣваться въ Мазепѣ, и старался охранить Малороссію отъ Шведовъ: Козаки недолго оставались въ

обмацъ; войско Мазепы, переданное Карлу XII, ежедневно уменьшалось, а защитники свободы Украины отъ Шведовъ все болѣе увеличивались, соединяясь съ Русскими войсками.

Вотъ когда вѣсть объ освобожденіи долетѣла до пустынной глуши заключенія Палія. Съ восторгомъ принялъ онъ ее, надѣясь еще отомстить и за себя, и за родину,—и не обманулся въ надеждѣ.

27 Іюня 1708 года — кто не знаетъ этого дня, кто не молился кресту на Шведской могилѣ, напоминающему этотъ незабвенный день, рѣшившій судьбу Украины, Карла XII, Мазепы. Палій былъ подъ Полтавой, успѣвши уже собрать немалую дружину, и до битвы 27 Іюня разбить нѣсколько разъ Шведовъ и Мазепинцевъ. — Карлъ XII и Мазепа бѣжали въ Бендеры. Карлъ XII мучился досадою; а Мазепа, вѣрно не надѣясь на покойную кончину, принималъ ядъ, и умеръ.

Украина отдохнула.

Палій хотѣлъ-было зажить по-прежнему; но и ему пришла пора сложить голову. Разъ только, и то на короткій срокъ, вспоминая свою прежнюю удалую жизнь, ходилъ онъ противъ Татаръ, — и, возвратившись, поѣхалъ прямо въ монастырь Межигорскій на псковой.

Сказалъ прости своимъ товарищамъ, и 18 Января 1710 года сложилъ буйную голову.

Не забыли Палія и до сихъ поръ.

Подробности о Паліѣ до ссылки его въ Енисейскъ взяты изъ Дзѣвовича; остальное изъ Шафонскаго. Другіе Лѣтописи служили для соображенія, равнымъ образомъ и Акты. — Пѣсни см: ниже. N 6—12.

ПѢСНИ, ДУМЫ И ПРЕДАШЯ,
поясняющія сказанія Летописцевъ.

I.

Голтвянская Битва.

Самая важная изъ пѣсень, повѣ-
ствующиыхъ о междуусобіи Пушкаря съ
Выговскимъ, есть та, которая помѣщена
Запор. Стар. Часть II. Кн. I. стр. 47-53.
Вотъ Русскій переводъ этой пѣсни:

Не день и не два Гетманъ Выговскій
приступалъ къ Полтавѣ У него самого было
сорокъ тысячъ, еще-же вель онъ и По-
ляковъ съ собою. Куда-же то гнусный
Выговскій вель Поляковъ?

Ой, вель онъ Поляковъ противъ Козаковъ!
Ой, вель онъ Поляковъ на Пушкаря, за-

чѣмъ стоитъ онъ за Бѣлаго Царя и за
Вѣру Православную.

— Царь, Бѣлый Царь! Пора уже съ тобою
разсчитаться. И ты, Царь, и ты, Мартынъ
Пушкарь! будете вы знать, какъ меня
величать. Будете вы знать, какъ меня
почитать, какъ Украину къ себѣ прекло-
нять, будете вы знать, какъ бѣгствомъ
скрываться въ лѣсахъ. —

И Гетманъ Выговскій шелъ путемъ въ
Полтаву; а, перешедши свой путь, становъ
сталъ по Голтѣ рѣкѣ, и, ставши становъ,
окликалъ Пушкаря:

— Мартынъ, Мартынъ! Песій ты сынъ!
Иди ты со мною медъ-горьлку расливать,
Козаковъ считать. Тѣ, что по-удалье, ко
мнѣ перейдутъ; а тѣ, что по хуже, стануть
биться со мной.

И приспѣлъ прійдти Мартынъ Пушкарь,
сталъ по правому берегу; изъ пушекъ изъ
ружей сталъ въ Гетманцевъ стрѣлять.

— Мартынъ, Мартынъ, песій ты сынъ!
Что ты задумалъ, что загадалъ? Какъ

осмѣлился ты выйдти противъ Гетмана Выговскаго? У тебя, песій сынъ, дрянью дрянъ; а у меня и Поляки, и Козаки, и Татарская Орда. — Ну-же Панъ Стефанъ, какъ поживаешь? У тебя и кони есть, и пушки есть, — за чѣмъ-же не нападаешь ты на Пушкаря?

— Я-бы на него разомъ напалъ; да ему Бѣлый Царь помогаетъ, а у меня нѣтъ ни пушекъ, ни коней, ни вѣрной души.

— Ну-же, Панъ Трофимъ, какъ поживаешь? У тебя и храброе войско, и вѣрная душа, — чего-же ты не нападаешь на Пушкаря?

— Я-бы на него разомъ напалъ, да ему Бѣлый Царь помогаетъ, а у меня ни войска, ни коней, ни вѣрной души нѣтъ.

И по берегу Голтвы ѣдетъ Пушкарь на конѣ; ѣдетъ онъ, Гетману Выговскому такъ говорить:

— Ой, Панъ Гетманъ, что-же ты думаешь, гадаешь? За чѣмъ не нападаешь на меня?—

А Выговскій медъ-вино пьетъ; волоса на себѣ рветъ, не добро предчувствуетъ,

бѣды себѣ ждетъ. — Тогда стали Пушкаревцы наступать на Поляковъ, стали Поляковъ разбивать, убивать и спереду, и въ рядахъ. А Выговскій съѣзъ на коня, въ Чигринъ - Дуброву бѣжалъ; оставилъ на Голтвѣ Стефана Омельниченка однимъ одного. Панъ-же Стефанъ доброе думаетъ, замышляетъ; озываетъ Мартына Пушкаря, такъ ему говоритъ:

— Прими меня къ себѣ! Буду тебѣ вѣрно служить, буду вѣру православную защищать, Царя Бѣлаго почитать.

А Выговскій съѣзъ на коня, въ Тешлицкую Съчъ убѣжалъ; оставилъ на Голтвѣ Трофима Сороку однимъ одного. Панъ-же Трофимъ доброе думаетъ, замышляетъ; озываетъ Мартына Пушкаря, такъ ему говоритъ: — Прими меня къ себѣ! Буду тебѣ вѣрно служить, буду вѣру православную, защищать Царя Бѣлаго почитать.

Зналъ тогда Пушкарь, за что Бѣлаго Царя уважалъ: Поляковъ разбилъ, Выговскаго прогналъ, самъ остался въ мирѣ. —

Прежде всего надобно пояснить мѣстность битвы, описанной въ этой любопытной пѣснѣ:

1. Выговскій шелъ къ Полтавѣ чрезъ Голтву, слѣдовательно съ Днѣпра или изъ-за Днѣпра на Западъ. 2. *Голтва* — рѣчка, течетъ въ Пселъ слѣва, и впадаетъ въ него подъ мѣстечкомъ Полтавской Губерніи Голтвой, бывшимъ Сотеннымъ мѣстечкомъ Полтавскаго Полка. 3. Пѣсня не опредѣляетъ мѣста битвы, но изъ нея выраженной ясно видно, что Выговскій стоялъ съ своимъ войскомъ на лѣвомъ берегу, а Пушкарь расположилъ свое на правомъ. 4. *Чигринъ дуброва* была мѣстечкомъ Сотеннымъ Лубенскаго полка, лежитъ на Сулѣ почти при впаденіи ея въ Днѣпръ, прямо на Западъ отъ Голтвы. 4. О *Сылъ Тешлицкой* см. въ Запор. Стар. II. 2. 116.

Но когда была эта Голтвянская битва? Кто это Стефанъ и Трофимъ, о которыхъ пѣсня упоминаетъ, какъ о главныхъ начальникахъ войска Выгов-

скаго? Лѣтописи молчатъ; надобно прибѣгнуть къ догадкамъ.

Сначала о *Стефанъ Омельничен-
къ*. — 1. Былъ *одинъ* только Стефанъ
изъ всѣхъ лицъ, дѣйствовавшихъ во время
Выговскаго, Стефанъ *Сулима*. О немъ
Лѣтописи упоминаютъ, ему-же дана
нобилитація по Гадацкому договору. Онъ
могъ прозываться и Омельниченкомъ,
какъ Адамовичъ назывался Волочаемъ,
Джеджелей Чичаемъ, и т. п. — 2. Объ
этомъ Стефанъ Сулимъ читаемъ у Ро-
галева, что онъ былъ прежде на
сторонѣ Пушкаря, и потомъ отсталъ отъ
него. Въ пѣснѣ говорится напротивъ;
но почему не могъ онъ перейти на
сторону Выговскаго опять, послѣ событія,
упоминаемаго въ пѣснѣ?—Полагаю что
Стефанъ Омельниченко есть никто дру-
гой какъ *Сулима Стефанъ*.

О *Трофимъ Сорокъ*. — 1. Три
Трофима принимали участіе въ борьбѣ
Выговскаго съ Пушкаремъ: одинъ Тро-

Фимъ Жученко, братъ Федора, бывшаго потомъ Полтавскимъ Полковникомъ; другою — Небаба, Сотникъ Кальницкій; третій Гуляницкій, братъ Григорія Полковника Нѣжинскаго, Судья того-же Полка и потомъ, если не въ то-же время, Атаманъ нѣкоторой части Низовыхъ Козаковъ. Жученки были всегда на сторонѣ Пушкаря, Небаба былъ не болѣе какъ Сотникъ, — а слѣдовательно Трофимомъ Сорокою могъ быть одинъ Гуляницкій. — 2. Ктому-же Лѣтописи упоминаютъ о братѣ Гуляницкаго (не называя впрочемъ по имени) такъ, что нельзя не догадываться о тождествѣ его съ Сорокою: именно въ Лѣтописи Роголевскаго (почти то-же у Симоновскаго и у Дзѣвовича) сказано, что Гуляницкій, младшій братъ Григорія передался-было на сторону Пушкаря, и потомъ захваченный Выговскимъ былъ имъ казненъ незадолго до битвы подъ Полтавою. — Полагаю, что *Трофимъ Сорока* есть этотъ самый *Гуляницкій*.

Если все это такъ, то догадка о времени битвы Голтвянской не мудрена. — 1. Битвы Выговцевъ съ Пушкарями возобновлялись два раза: въ первый разъ важнѣйшею битвою была Груньская на р. Груни, впадающей въ Псель неподалеку отъ Груни, Сотеннаго мѣстечка Гадыцкаго полка; во второй разъ битвы окончились гибелью Пушкаря. Голтвянская битва не можетъ быть отнесена ко второй эпохѣ, потому что статьи Гадыцкаго договора, въ которыхъ упоминается и о Сулимѣ или Омельничекѣ, были составлены прежде, и Сулима долженъ былъ имѣть время примириться съ Выговскимъ. Слѣдовательно Голтвянская битва была или не задолго прежде или не много спустя послѣ битвы Груньской. — 2. Къ этому времени Лѣтописцы относятъ одну битву, глухо упоминая что она произошла неподалеку отъ Полтавы; Голтва не далеко отъ Полтавы: можно предполагать что эти двѣ битвы тождественны. Тутъ одно

сомнѣніе. Лѣтописцы упоминають о битвѣ неподалеку отъ Полтавы такъ, что можно догадываться, что она была прежде Груньской, между тѣмъ какъ Голтвянская битва должна была быть послѣ Груньской,—и вотъ почему:—3. Подъ Груней военачальникомъ войска Выговскаго былъ Тимошь Гадяцкій, а не Сулима и не Гуляницкій, и Выговскаго еще не было; а на Голтвѣ не могъ дѣйствовать Тимошь, бывшій уже въ плѣну, и явился самъ Выговскій. Съ другой стороны пѣсія рѣшительно говоритъ, что Пушкарь послѣ Голтвянской битвы «у мирѣ ставъ»: этого не сказала-бы она, если-бы за нею слѣдовала битва Груньская, а не ей предшествовала.—4. Но могла-ли быть битва неподалеку отъ Полтавы прежде битвы Груньской, какъ можно догадываться изъ словъ Лѣтописцевъ? Думаю, не могла. Соображая событія, легко видѣть, что Пушкарь пошелъ на Выговскаго въ Гадячь, и вотъ почему сначала Выгов-

скій хотѣлъ было выслать противъ него Стародубскій и Нѣжинскій Полки, а не иные, - а потомъ, вооруживши полкъ Гадяцкій съ наемнымъ войскомъ, велѣлъ Тимошу сразиться съ Пушкаремъ. Пушкарю нѣкогда было сражаться съ Выговскимъ неподалеку отъ Полтавы до этого; послѣ-же битвы Груньской такая битва легко могла случиться. Разбивши Тимоша, и узнавши о приближеніи Выговскаго къ Полтавѣ, Пушкарь поспѣшилъ внизъ по Пселу на встрѣчу ему, и, не допустивши Выговскаго, разбилъ его неподалеку отъ Полтавы. — 5. Можемъ слѣдовательно заключить что Голтвянская битва есть именно та, которая, по словамъ Лѣтописцевъ, произошла неподалеку отъ Полтавы; но должны вмѣстѣ признать ошибкою поставку этой битвы передъ Груньскою. Ходъ войны ясенъ.

Пѣсня на смерть Пушкаря.

Прелестная пѣсня, доселѣ любимая народомъ. Подлинную см. въ Запор. Старицѣ II. I. 54-55. Вотъ Русскій переводъ:

Течеть рѣчка небольшая, называютъ ее Ворсклой; о той рѣчкѣ небольшой знаютъ старики и дѣти. О той рѣчкѣ умѣютъ пѣсню пропѣть; любить о той рѣчкѣ и думу задумать. Дума, ты, дума! какъ-бы не стало скорбно! Дума, ты, дума! Какъ-бы не быть тревогъ

Гдѣ-же вы, Паны молодцы Козаки? Кости въ могилахъ, а сабли въ болотахъ. —

Гдѣ-же и ты, Пушкарь, храбрый Козакъ, что по тебѣ, другъ, плачетъ вся Украина? Кости въ могилѣ, самъ у Господа Бога

О, плачь, Украина, бѣдная сирота! Твое
свѣтлое счастье Выговскій разрушилъ, —
у него-ли сердце не камень, у него-ли
умъ не чортовъ умъ.

Предполагаю, что въ пѣснѣ недо-
стаетъ описанія битвы подъ Полтавой:
я былъ-бы счастливъ, если-бъ этимъ
указаніемъ заставилъ любителей стари-
ны Украинской, имѣющихъ случай, по-
трудиться разузнать, нѣтъ-ли этой сере-
дины въ памяти кого-нибудь, и потомъ
издать это важное дополненіе, если оно
будетъ найдено. Если найдется нѣсколь-
ко различныхъ вставокъ, тѣмъ лучше:
критика оцѣнитъ ихъ. — Самъ я слы-
шалъ ее только по отрывкамъ.

Юрій Хмельниченко избранъ Гет-
маномъ.

Не разъ мнѣ доставалось слушать бандуристовъ и стариковъ, знающихъ старину, что у Богдана Хмельницкаго было три сына — Тимошей, или какъ они называли Тимошь, Юрій или Юрусъ и Иванъ или Ивашко. Они прибавляли, что Юрій и Иванъ пережили отца, и по смерти его оба желали быть Гетманами. Это повело дѣло къ междоусобной войнѣ, которая продолжалась до тѣхъ поръ пока Иванъ былъ убитъ. — Въ Лѣтописяхъ (по крайней мѣрѣ, въ тѣхъ, которыя мнѣ известны) ничего объ этомъ нѣтъ; нѣтъ и въ Дипломатическихъ Актахъ, доселѣ изданныхъ. Но откуда-же зашло это въ память бандуристовъ и стариковъ? вѣрно,

не изъ воображенія. Во всякомъ случаѣ на этотъ пунктъ стоитъ обратить вниманіе. Я надѣялся найти этому объясненіе въ народной думѣ, о подвигахъ Юрія до утвержденія его въ Гетманскомъ достоинствѣ, — она должна, кажется, упоминать и объ этомъ; но эта дума осталась мнѣ извѣстною только въ отрывкахъ, самыхъ незначительныхъ. Смотр. ихъ въ Запор. Стар. II. 1. 55. 56. Вотъ Русскій переводъ.

Не черныя тучи застилали ясное солнце, не буйные вѣтры выли по темному лѣсу, — то Казаки погребали Хмельницкаго, оплакивали отца своего.

Молодой-же Юрій гуляетъ подъ Бѣлою Церковью, ничего не знаетъ о смерти отца, — и вотъ какъ пріѣхали къ нему конники, какъ подали бумаги, какъ прочиталъ ихъ Юрій, не взвидѣлъ Божьего свѣта . . .

Да и не долго гетманствовалъ Выговскій: полтора года булаву держалъ.

Не черныя тучи застѣлали ясное солнце, не буйныя вѣтры выли по темному лѣсу, — то Козаки возставали, задумали поберець свою славу. Тогда съѣзжались къ Юрію Сотники и Полковники, избирали они Гетманомъ Юрія Хмельниченка. И молвили тогда Козаки: — Дай, Боже, жить съ молодымъ Гетманомъ, какъ жилось со старымъ, хлѣбомъ - солью быть богатыми, города Турецкіе раззорять, рыцарскую славу Козацкому войску добывать.

Тутъ явственны три отрывка: одинъ о смерти Богдана, другой о Выговскомъ, третій объ избраніи Гетманомъ Юрія. Болѣе другихъ важенъ третій отрывокъ — объ избраніи Гетмана, съ поздравительной пѣсенкой: эта пѣсня пѣлась Козаками всегда при избраніи Гетмановъ, а въ Запорожьи при избраніи Кошевыхъ Атамановъ. — Что касается до перваго отрывка, то хотя въ Исторіи Малой Россіи Бантыша Каменскаго и читаемъ цѣлую рѣчь Богдана сыну, однако вѣр-

нѣе, что онъ не говорилъ ее Юрію, и что Юрій въ самомъ дѣлѣ не зналъ о смерти отца, гуляя подѣ Бѣлою Церковью (городъ у Роси-рѣки): это говорить народное преданіе, всегда вѣрное въ подобныхъ случаяхъ; это подтверждаютъ и нѣкоторыя Лѣтописи, достойныя вѣры болѣе тѣхъ, которыя, какъ Лѣтопись Коинскаго, наполнена очень сомнительными документами и совершенно неумѣстнымъ стараніемъ выражаться и описывать событія *à la Tite Live*. Во второмъ отрывкѣ говорится, что Выговскій былъ Гетманомъ полтора года: такъ и въ Лѣтописяхъ — съ Февраля 1656 года по Августъ 1659. Третій отрывокъ, важный пѣснею, совершенно неваженъ въ историческомъ отношеніи къ времени, котораго касается. Я имѣлъ отъ Г. Хиждеу болѣе подробный списокъ этаго третьяго отрывка; но онъ видимо сомнителенъ — участіемъ воображенія XIX вѣка, которое, мѣшаясь въ дѣла XVII вѣка, можетъ быть болѣе смѣшно, нежели занимательно.

*Пѣсня на постриженіе Юрія въ
монахи.*

Можетъ быть, и слишкомъ смѣло я даю такое названіе пѣснѣ, помѣщенной въ Запор. Стар. II. 1. 57-58; но думаю, что она должна относиться именно къ 1662 году, когда Юрій Хмельницкій, пытаемый неудачами, рѣшился проститься съ міромъ и подъ клобукомъ монашескимъ искать утѣшенія въ горѣ. Вотъ переводъ этой пѣсни:

Ой, Пань Хмельниченко! Юринька, Юрій!
Завала твоя головка, печальный цвѣтокъ!—
Или то знать такъ дала себя Туречина?
или такъ Гетманщина тебя сокрушила?—
Ой, Юрій Хмельниченко, удалый молодець!

Всѣмъ ты лихой Козакъ, всѣмъ ты прекрасень; да изломилася сабля на бедръ твоемъ; да стянули жупанъ съ тебя воляные Козаки. Ой, Юрій Хмельниченко, знатный Козакъ! Таково уже счастье твое, что сабля застонала; такова уже доля твоя, что жупанъ развязался, Козакамъ какъ добыча военная достался въ удѣлъ.

Тутъ только слова «монахъ» не случилось; а понять не трудно, что дѣло идетъ о перемѣнѣ Козацкаго жупана и сабли на рясу и клобукъ.

5.

Смерть Морозенка.

Морозенко, прославившійся въ войнахъ противъ Поляковъ во время Богдана Хмельницкаго, дѣйствовалъ и по

смерти его еще довольно долго. До сихъ поръ трудно сказать что-нибудь положительное о характерѣ дѣйствій этого героя, любимца народной памяти. Разбросанныя упоминанія Лѣтописцевъ ни къ чему не ведутъ; а народная память сохранила немногія событія. Мы видѣли народныя пѣсни о Морозенкѣ, воспѣвающія подвиги его при Богданѣ; остаются еще двѣ пѣсни о смерти Морозенка. Подлинникъ ихъ смотри въ Запор. Стар. Ц. 1. стр. 58—62. Вотъ Русскій переводъ:

І.

Изъ за горы, изъ за кручи выступаетъ гордое войско. Передъ нимъ ѣдетъ Морозенко, гарцуетъ на сѣромъ конѣ.

И склонилъ онъ голову на гриву къ коню своему: — Бѣдная голова моя! Тутъ чужая сторона

А у нашего Морозенка красная застежка; гдѣ ни пройдетъ Морозенко — за нимъ въ слѣдъ тропинка кровью облита.

А унашего Морозенка красная лента;
гдѣ ни пройдетъ Морозенко, — за нимъ
вслѣдъ течеть ручей крови.

Очень явно, что это не болѣе какъ ломанные отрывки изъ пѣсни. Жаль пропавшей середины, а по отрывкамъ можно заключать немного: — 1. Имѣлъ Морозенко свое войско, и, забравшись въ какую-то чужую сторону, сталъ печалиться. 2. Онъ былъ израненъ, и, разумѣется, погибъ.

II.

Изъ за горы, изъ за кручи выстучаетъ черная туча. Ёдетъ впереди Морозенко, гарцуетъ на своемъ стромъ конѣ.

— Пора тебѣ перестать, Морозенко, гарцовать на своемъ стромъ конѣ. Иди съ нами, съ Козаками, иди погулять.

Сталъ Морозенко гулять и пѣсни распѣвать; стали тогда Турки и Поляки на падать на него.

Напали они на Морозенка съ саблями,

кругомъ окружили; да Морозенко вырвался изъ подъ рукъ.

Напали на Морозенка изъ подъ гримы съ палатей, — оплакали Морозенка родные братья и сестры. Напали на Морозенка изъ подъ гримы съ палатей, — оплакали Морозенка отецъ и родная мать.

И повели Морозенка на могилу крутую:—
Гляди-же, гляди, Морозенко, на свою Украину. — Не поможетъ, Боже мой, своя Украина, — какъ-же помощи ждать отъ чужой Украины.

И подвели Морозенка подъ высокую грушу, — исторгли изъ Морозенка невинную душу. У того Морозенка въ петлѣ застѣжка, — куда ни несли Морозенка, оставалась слѣдомъ кровавая тропинка. У того Морозенка въ петлѣ лента, — куда ни несли Морозенка, оставался слѣдомъ кровавый ручей.

Прощай, прощай, Морозенко, славный Козакъ. По тебѣ, по Морозенкѣ, плачетъ вся Украина.

Изъ этой пѣсни можемъ вывести вотъ что: — 1. Во время гибели Морозенка Поляки и Турки были въ мирѣ, и дѣйствовали за одно. 2. Морозенко вооружился противъ нихъ, и ждалъ битвы; наконецъ товарищи упростили его отдохнуть отъ военныхъ приготовленій, и дать имъ погулять. Въ это самое время Поляки и Турки напали на него, жестоко ранили, и потомъ, взявши въ плѣнъ, убили. — Остальное тоже почти, что и въ первой пѣснѣ.

Соображая событія, должно по всѣмъ вѣроятностямъ заключить, что смерть Морозенка случилась около 1677 года, когда Турки, заключивши миръ съ Поляками въ 1677 году 16 Октября, вторгнулись въ Украину съ цѣлю овладѣть ею и сдѣлать Гетманомъ Запорожскихъ войскъ Юрія Хмельницкаго, бывшаго тогда уже поклонникомъ Мугамеда.

Палій и Мазепа.

Въ Запор. Стар. II. 1. стр. 62—68, помѣщена пѣсня, которая, по всѣмъ вѣроятностямъ, относится ко времени измѣны Мазепы Петру Великому, и сложена, безъ сомнѣнiя, Козаками, оставшимися вѣрными Россiи. Въ этой пѣснѣ рассказывается довольно подробно случай, какъ Мазепа обманомъ захватилъ Палiя въ свои руки и бросилъ въ темницу. Вотъ Русскiй переводъ этой пѣсни:

Ты думаешь, Панъ Мазепа, замышляешь
измѣнять; хочешь напасть на Царя, разо-
рить Москву, и не только напасть на
Царя и разорить Москву — самъ ты
хочешь въ Столицѣ царствовать какъ Царь.

Въ городѣ Полтавѣ гуляетъ Мазепа;

сидитъ онъ съ Искрою, съ Кочубеемъ, плачетъ и рыдаетъ.

— Велю я Королю Шведскому бить Москалей; о, велю я Запорожцамъ разорять Москву.

И сталъ уже станомъ въ полъ проклятый песъ Мазепа, и потчивалъ (своихъ гостей) зеленымъ виномъ и сладкимъ медомъ. И говоритъ Гетманъ Мазепа Семену Палію:

— Ой, ты Палій Семень! Не измѣнилъ-ли ты мнѣ?

— Какъ-же могу я, Гетманъ Мазепа, измѣнить тебѣ, если ты будешь, Мазепа, все добромъ дѣлать.

— Я думаю, Семень Палій, Москву разорять, самъ въ Столицъ хочу царствовать какъ Царь.

— Стоять тебѣ прежде, Гетманъ Мазепа, у столба (на привязи), чѣмъ въ Столицѣ доведется зацаревать Царемъ.

— Прошу я тебя, Семень Палій, чашу вина пить.

— Лжешь ты, лжешь, проклятый Мазепа, ты хочешь меня погубить.

А Максимъ Искра сидитъ; знаетъ онъ хорошо Мазепу, Семену Палію такъ говоритъ :

— Перестань, Семень Палій, перестань пить Мазепино вино : ой, хочеть проклятый Мазепа убить тебя ружьемъ.

И пьеть Семень, и пьеть Палій, клонить голову; а чура Мазепинъ готовить для него оковы. И пьеть Семень, и пьеть Палій, съ ногъ ужъ свалился; стоить Мазепа и удивляется.

И крикнулъ Панъ Гетманъ Мазепа своимъ Гайдукамъ : —

— Возьмите Палія Семена за крѣпкія руки.

И крикнулъ Панъ Гетманъ Мазепа Янычарамъ своимъ :

— Гей, возьмите Палія Семена, залейте въ оковы.

И крикнулъ Панъ Гетманъ Мазепа на своихъ охотниковъ :

— Гей, возьмите Палія, Семена, заключите въ стрѣльницу.

Не даль Гетманъ Мазепа ни пить, ни бсть Палію, пока не послалъ проклятый писемъ въ столицу. Какъ-же выслалъ Гетманъ Мазепа въ столицу письма, велѣлъ бросить Палія въ темную тюрьму.

— О Царь! — говоритъ Мазепа — Палій изменникъ: онъ хочетъ разорять Москву, а самъ хочетъ въ столицѣ Царемъ царевать.

Тогда отозвался Палій Семенъ изъ темной тюрьмы:

— Лжетъ, лжетъ Гетманъ Мазепа въ столицѣ у Царя. О Царь! — говоритъ Палій — изменникъ Мазепа: онъ хочетъ разорять Москву, а самъ хочетъ въ столицѣ Царемъ царевать. —

Очень явно, что пѣсня эта воспѣваетъ о событіи 1704 года, — и, вѣроятно, составлена околѣ того-же времени, а время изменило кое-что, оставивши однако за пѣснею духъ времени.

Палій въ Сибири.

Прелестная пѣсня о заключеніи Палія въ Енисейскѣ помѣщена въ подлинникѣ въ Зап. Стор. П. I. стр. 68—70. Прочтемъ ее по Русски.

Высоко солнце всходитъ, да ложится низко. Ой, гдѣ-то Панъ Семень Палій горюеть теперь! — Высоко солнце всходитъ, да низко заходитъ. Ой, гдѣ-то Панъ Семень Палій бродитъ въ Сибири...

— Ой, чура, мой чура, мой вѣрный Стоусъ! Пойдемъ-ка въ часовню, помолимся Богу. Помолюся Богу, Святымъ поклонюся: исхудаль я въ горь, будто старъ ужъ сталъ. Будто старъ я ужъ сталъ, долженъ

молиться, что-бъ помиловалъ Милосердый мою грѣшную душу.

Натянулъ на него чура сѣрую свиту; далъ ему въ руку еловую палку. Пошелъ Панъ Семень Палій Богу молиться — не такъ Богу молиться, какъ горевать . . .

Воротился Палій домой, сѣлъ на крылечкѣ, — на игрываетъ на бандурѣ: „бѣда въ свѣтъ жить!“ Одинъ, забывши душу, вышиваетъ золотомъ свиту; а другой въ Сибири какъ дубъ въ перелѣскѣ одинъ одиноко.

8.

Гордіенко.

Оставляю на будущее время удовольствіе пересказать жизнь Кошеваго Атамана Гордіенка; а теперь замѣчу толь-

ко, что онъ былъ одинъ изъ немногихъ Козаковъ, оставшихся навсегда вѣрнымъ Мазепѣ. Въ 1709 году онъ является довольно важнымъ дѣйствователемъ въ войнѣ Шведской. Онъ разбилъ Русскихъ при Цариченкѣ, и потомъ вызывался овладѣть Полтавою. Сражаясь храбро въ битвѣ Полтавской, онъ былъ раненъ, — и, не смотря на выгодныя предложенія Русскихъ оставить Мазепу, послѣдовалъ за нимъ въ Бендеры со своими Запорожцами. Потомъ, говорятъ, старался о разрывѣ мира Прутскаго. Нерѣдко случалось Гордіенку выходить на поле битвы съ прежними своими товарищами. На одной изъ такихъ битвъ онъ убитъ и растерзанъ: это случилось въ 1712 или 1713 году.

Въ Зап. Стар. II. I. стр. 71—72 есть пѣсня о Гордіенкѣ, — и пѣснь тѣмъ болѣе замѣчательная, что она видимо защищаетъ Гордіенка и его Запорожцевъ. Она остается пока единственною въ та-

комъ родѣ. Вотъ она въ Русскомъ переводѣ:

Запорожцы бѣдняги! Пшеница не жата,
Пойдите, оглядите, сожните пшеницу.

— Хоть и поидемъ, оглядимъ, а жать-
же не будемъ. —

Хвалились Запорожцы, что возьмутъ
Полтаву Еще-жь они не взяли Пол-
тавы, а Шведъ уже сдался, — остался
Кошевой на бѣду себѣ. Умерла у Коше-
ваго старушка мать, и нѣкому Кошеваго
утѣшить.

Восточный Царь не вѣрять Украинѣ, —
шлетъ онъ Голицына, боясь измены:

— Иди-же ты, Голицынъ; иди ты горою
а я поиду съ Москалями следомъ за то-
бою. —

Стихи этой пѣсни довольно гладки
но не Запорожскіе, — и ихъ т. с. анти-
Запорозизмъ заставилъ меня догадывать-
ся, что пѣсня не чисто народная, что она
или *новѣйшаго* сочиненія, или искаже-

на *новѣйшими* поправщиками. Вотъ доказательства моей догадки:

1. Читатели Запорожской Старины могли замѣтить, что Запорожскія пѣсни, если онѣ полны, отличаются особенною правильностію расположенія, а если сохранились въ отрывкахъ, то каждый отрывокъ имѣетъ въ нѣкоторой степени свою цѣлость. Этого не вижу въ пѣснѣ о Гордіенкѣ: читаю ее, и невольно припоминаю характеръ женскихъ пѣсенъ лѣсной Украины, совершенно-отличный отъ характера поэзіи Запорожской и вообще старинной Козацкой. — Первые четыре куплета имѣютъ свою цѣлость; но такихъ переходовъ, какъ здѣсь, отъ пшеницы къ битвѣ и отъ битвы къ смерти матери Кошеваго, не лзя ожидать отъ Запорожскихъ пѣсенъ. Что касается до двухъ послѣднихъ куплетовъ; то въ нихъ болѣе Запороизма въ дикціи, но за то содержаніе ихъ не Запорожское.

2. Другое важное достоинство пѣсенъ Запорожскихъ — историзмъ, тол-

ко облеченный—и то не всегда—въ Формы поэтическія. Историзма нѣтъ въ этой пѣсни: а) Полтавская битва представлена въ искаженномъ видѣ, равно и отношенія Гордіенка къ Шведамъ; б) столь-же неправильно изображено отношенія Петра I и Голицына къ Украинѣ; в) наконецъ зачѣмъ вязать Полтавскую битву и Гордіенка съ Голицынымъ? какою дорогою могъ идти Голицынъ и какимъ слѣдомъ Петръ I за нимъ! . . .

Впрочемъ кчему распространяться! Пѣсня по содержанію вовсе не важна, и ни на волосъ не поясняетъ историческихъ сказаній.

9.

Палій.

Кстати помѣстить подобную пѣсню, подобную не безсмысліемъ содержанія, а тѣмъ, что заставляеть въ равной сте-

пени сомнѣваться въ своей народности. Ее сообщилъ мнѣ О. С. Евецкій, и, сколько мнѣ помнится, списалъ ее съ какой-то тетрадки — сборника разной Малороссійской дичи. Я не помѣстилъ ее въ I книжкѣ II части Зап. Стар; а здѣсь печатаю для любопытныхъ:

Охочіи ватаги
Козаками богаты;
Азь ихъ кращій
Семень Палій
Полковникъ *Хвасовскій*.

Що Турокъ, що Полякъ,
Татаринь, чи Москаль,
Еднако ихъ Палій нашъ оділае,
Увесь скорбъ виднимае,
Головоньки рубае.

Живе собі въ довольстві,
Мовъ Гетьманъ самъ,
Свою ватагу мае,
Собі вінъ *подати збирае*,
Та старшого не знае.

Ой, нашъ Семень Палій

Козакъ прямій.

Хмельницького вінъ батькомъ на-
зываетъ,

Гетьманщині счастья бажає,
Видъ всіхъ ворогівъ її бороняє.

Его Поляки не *возлюбил*,
Та извести положили;

А вінъ того не знає, не гадає,
Въ Ляховщину вступає,
Косцѣлы, *сѣла* выжигаетъ.

Летала птиця въ полі,
Та й клітоньку попалась:
Палій Ляхівъ все воювавъ,
Католиківъ рубавъ,
Та й въ неволю *къ нимъ* попавъ.

Ой птиця сидить въ клітці,
Палій въ *Танобурхи*.

Вороги раденьки,
Козаки смутненьки,
Вдовы сироты бідненьки.

Ой, вилетіла птиця зъ *клітці*,
Палій зъ *Танобурха*.
Вороги смутненьки;
Козаки раденьки,

Вдовы, сироты веселеньки.

Ой птиця въ поле улетила,

Палій въ Украину —

Ворогівъ воювать,

Козакамъ добра добувать,

Вдовамъ, сиротамъ помогать.

По тій стороні Дніпра

Гетьмануе Самусь;

Та вінъ Палія поважає,

Своимъ братикомъ называє,

Своимъ ріднесенькимъ считає.

Палій зъ Самусемъ

Лихі молодці;

Живуть собі такъ якъ браты,

Якъ рідненьки браты,

Нема межъ їхъ *розладу* ніколи.

Гоминъ, гоминъ у городі

Въ Бердичеві;

Региментаръ Рустичъ,

Гетьманъ Самусь

Деруться *межъ собою*.

Палія тамъ нема,

Палій сидить дома.

Козацька бідна доля!

Та може пропаде їхъ воля!

Козацька бѣдна доля!

Ой шабля славна,

Нагаечка славнѣйша.

Поляки не встояли,

Поляки побѣждали,

Козаки свою волю одстояли.

Ось такъ було колись.

Ой, де теперъ, ой, де теперъ

Та вѣйсько вже Козацьке,

Те вѣйсько молодецьке,

Те вѣйсько Запорозьке.

По сій сторонѣ Днѣпра

Гетьмануе Иванъ Мазепа,

До своихъ рукъ Украину забирае,

Нѣкому власти вѣнъ не допущае,

Нѣкого въ свѣтѣ вѣнъ не поважае.

Тогобочнѣ Полковники въ ёго вже

воли

Самусь вже здавъ ёму свои клейноты,

А самъ zostавсь Богуславськѣй Пол-

ковникъ;

Та вже вѣнъ не Козакъ — покойникъ,

Воювать, герцѣвать не охотникъ.

Ой нашъ Семень Палій
Козакъ прямій;
Та старшого не знае,
Ватагу свою мае,
Пье вѣнъ та гуляе.
— Ой, вже минѣ Палій
Більмо мовь въ очахъ;
Мене вѣнъ докаряе. —
Мазепа промовляє,
Та извести ёго бажае.

Ой, ты *фортуно, фортуно,*
Ему чомъ ты послужила!
Въ Сибири нашъ Палій,
Козакъ прямій,
Полковникъ Хвасовскій.
Бѣда ему, *бѣдняги.*

Ой треба *шуби* та де взяти,
А морозы Сибирскі знатні:
Кому вони дались знати,
Тому їхъ не забувати.

Вернули Палія,
Та трохи пізенько.
Москаль та зъ Шведомъ бьеться,
Підъ Полтавою бьеться,

Надъ Ворскломъ бѣться.

Ой Ворскло, рѣчка невеличка!

Здавецъ вона слава —

Не водою,

А войною,

Де Шведъ полигъ головою.

Ой, хто де, хто де,

Палй въ Украинй:

Живе, та поживае;

Бувальщину вйнь вспоминае,

Мазепу проклинае.

Ошибки противъ языка могли случиться въ переписи; но ошибокъ противъ народности нельзя-же приписать писцу, а этихъ ошибокъ такъ много, что всю пѣсню можно считать ошибкой. — Главнѣйшя ошибки противъ языка я отмѣтилъ курзивомъ. Что касается до ошибокъ противъ народности, то позволю замѣтить нѣкоторыя: 1. Содержаніемъ пѣсни Козацкой никогда не бываетъ цѣлая жизнь героя, воспѣваемаго въ ней; 2) Настоящее время не употребляется въ

пѣсняхъ Козацкихъ такъ, какъ употребляется здѣсь; 3) Сравненіе Палія съ птицей, развиваемое съ такою акуратностію, отзывается схоластикой, а не народностію; и пр. Можно замѣтить, что и самая форма расположенія стиховъ, употребительная въ небольшихъ пѣсенькахъ, выбрана не удачно для такой длинной пѣсни въ 120 стиховъ. — Въ ней только 5 стиховъ народныхъ: это — изъ послѣдняго десятка первый пятокъ.

Всего вѣроятнѣе, что эту пѣсню сочинилъ какой нибудь любитель старины XVIII вѣка или даже и XIX — по лѣтописямъ, — и какъ стихотворный экстрактъ изъ Лѣтописей она имѣетъ нѣкоторое достоинство; а какъ пѣсня могла поправиться развѣ ея автору.

Битва Полтавская.

Два только народныхъ пѣснопѣнія удалось мнѣ услышать о битвѣ Полтавской — одну думу и одну пѣсню. (Зап. Стр. II. 1. стр. 72—73). Предполагаю, есть и еще въ памяти народной; но я не имѣлъ случая слышать ихъ, а досталъ очень незначительные отрывки, и до сихъ поръ только надѣюсь и ожидаю получить дополненія. —

I. Дума.

Въ несчастное лѣто Шведской години не одна Христіанская душа безъ вины пошла на тотъ свѣтъ. — Тогда-то въ городъ Лебединъ Цари и Князья дивились диву, одинъ одному такъ говорили:

— За что, Паны молодцы, не стало порядка въ Христіанской землѣ?

— За то, Паны молодцы, что проклятые бусурманы стали братьями называть Христіанъ.

— Кто-же то начиналъ!

— Начиналъ то проклятый Мазепа, какъ безвинно со свѣта Искру и Кочубея согналъ, какъ Семена Палія въ Сибирь послалъ.

Тогда Цари и Князья одинъ одному говорили, что Семена Палія выслали изъ Сибири въ Москву.

Скоро Семень Палій весенней погодой, великимъ постомъ прїѣзжалъ въ столицу къ Бѣлому Царю; а свѣтъ - праведный Государь радостно радовался, что принималъ въ гости къ себѣ славнаго рыцаря Семена Палія.

Какъ-же тогда Мазепа услышалъ, что его проклятаго Мазепу бѣда настагаетъ, Королю Шведскому такъ говорилъ:

— Добродѣй Король Шведскій, свѣтлѣйшій мой Пань! Освободать-ли намъ

еще долбе городъ Полтаву? Не бѣжать-ли намъ изъ подъ города Полтавы? Вѣдь не даромъ-же Москва стала насъ кругомъ обступать; вѣдь у Семена Палія, хоть и не велико охотное войско -- одна только сотня, а будетъ кому тысячу нашу гнать и рубить, и будетъ насъ большихъ пановъ страхомъ пугать.

Тогда Король Шведскій выслушалъ это, и такъ говорилъ :

— Мазепа, безумная голова! У меня-ли войско не вооруженное! у меня ли войско не панцырное! Еще у меня довольно силъ ту Москву съць и рубить; еще не отказываюсь побывать въ столицѣ у Блага Царя. Скоро сталъ Семень Палій подходить къ Полтавѣ съ Борисомъ Петровичемъ Шереметевымъ, на святого Николая. — Сталъ Король Шведскій съ Мазепою тайкомъ убѣгать, на Царскія войска нападать. Много Царскихъ людей они били, а въ городъ Батуринъ мужиковъ и женъ въ пень събли и рубили; церкви сожигали, иконы

и святости ногами топтали; плоты наводили, на тотъ берегъ Днѣпра уходили.

Семень Палій подѣ Полтаву подходитъ, съѣтъ и рубить, мечеть на всѣ стороны какъ полу; до Днѣпра доходить, на тотъ берегъ Днѣпра глядитъ, видитъ что ходитъ Король Шведскій съ Мазепою по тому берегу Днѣпра, и такъ говоритъ:

— Помоли ты, Мазепа, Бога за меня, что я тебя не догналъ, не посякъ, не порубилъ, или живаго на вѣчную каторгу не отдалъ. —

Земля, Христіанская земля! Когда ты была исполнена смутами и горемъ, ты не знала, гдѣ родъ о родѣ заботился. — Дай Богъ честь и хвалу свѣтъ - праведному Государю и Семену Палію, знаменитому Пану, что не далъ Христіанъ Шведамъ въ добычу.

Дай-же Боже всѣмъ Христіанамъ многая лѣта и счастливой жизни въ семъ свѣтъ.

Относительно этой думы замѣчу:

1. Она несовершенно полна, — и важнѣйшій пропускъ — описаніе самой битвы при Полтавѣ.

2. Трудно отгадать, кого должно разумѣть подъ именемъ »Царей и Князей«, разсуждавшихъ въ Лебединѣ о смутахъ Украины. Вѣроятно это намекъ на то, что въ Лебединѣ была въ 1708 году главная квартира Русскихъ войскъ. Впрочемъ во всякомъ случаѣ это — поэтическая прикраса.

3. Въ Запорож. Стар. напечатано: «То Цари ѿ Князи́ еди́нь до еди́ного словами промовляли, *та* Семена Палія зъ Сибиру на Москву выслали» По ошибкѣ *та* напечатано вмѣсто *що*.

4. Дума говорить, что Палій возвратился изъ Сибири въ Россію »весною, великимъ постомъ« — 1709 года. Фактъ новѣй, котораго нѣтъ въ Лѣтописяхъ.

5. Равнымъ образомъ мнѣ не случилось читать въ Лѣтописяхъ о времени прибытія Палія подъ Полтаву, которое,

по словамъ думы, относится къ Маю —
»на Св. Отца Миколоая.«

6. Что Дума говорить о Батуринѣ, то безъ сомнѣнія должно разумѣть не о Батуринѣ, лежащемъ на Сеймѣ, а о Переволочнѣ, знаменитомъ мѣстѣ окончанія битвы Полтавской. Батуринъ-же, какъ извѣстно, взятъ Русскими въ 1708 году, и съ тѣхъ поръ остался въ сторонѣ въ дѣлѣ войны со Шведами.

7. Лѣтописи умалчиваютъ также и о томъ, что Палій участвовалъ въ дѣлѣ Переволочнянскомъ, какъ видно изъ Думы, и что гнался за бѣгущими Шведами, какъ можно догадываться по выраженіямъ Думы.

8. Наконецъ нельзя не замѣтить, что списокъ думы вообще дурень по разнымъ перестановкамъ ея частей съ мѣста на мѣсто. Я напечаталъ ее въ Запор. Старинѣ точь-въ-точь со словъ Бандуриста, а читать ее, мнѣ кажется, надобно такъ:

Начало попрежнему. Потомъ :

То Цари и Князи ёдинъ до ёдинаго словами промовляли, що Семена Палія зъ Сибиру на Москву выслали. — Скоро то ставъ Семень Палій великимъ постомъ, вѣсняною погодою до Бѣлого Царя на Столицю прибувати. То свѣтъ Праведный Государь велику радость мае, що до себе великаго лыцаря Семена Палія у гости сподѣвае. — Скоро то ставъ Палій Семень на Святаго Отця Миколая изъ Шереметомъ Борисомъ Петровичемъ пѣдъ Полтаву прибувати. — То Мазена тодѣ якъ почувъ, що ёго проклятаго Мазену лихо догоняе, до Короля Шведського таки рѣчи промовлае :

Разговоръ Мазены съ Карломъ попрежнему. Далѣе :

То Семень Палій пѣдъ Полтаву прибувае, сѣче и рубаетъ, на всѣ стороны якъ полову мѣтае. — То

ставъ то Король Шведскій изъ Мазепою тайно втѣкати, на Царскихъ людей вдаряти; много Царскихъ людей побивали, а въ городѣ у Переволочнѣ мужикѣвъ та жинокъ у пень сѣкли ѿ рубали, церкви палили, святости та иконы пѣдъ ноги топтали, плѣты справляли, на той бѣкъ Днѣпра утѣкали. — То Семень Палій до Днѣпра добувае, на той бѣкъ Днѣпра поглядае и пр.

Конецъ попрежнему.

II. Пѣсня.

Еще хмель, зеленый хмель не взвился по тычинкамъ; а уже Палій сразился съ Шведами подъ Полтавой. — Еще хмель, зеленый хмель не склонилъ головокъ; а уже Палій подъ Полтавой Шведовъ разбилъ. — Еще хмель, зеленый хмель не сгубилъ Козаковъ; а уже Палій прогналъ Шведовъ изъ подъ Полтавы.

Тогда вскрикнулъ свѣтлый Король Шведскій, вскрикнулъ, стоя на пушкѣ: — Уйдемъ, Мазена, съ Полтавскаго поля. — И тогда они быстро уходили съ Полтавскаго поля: очнулась, повеселѣла доля Козаковъ. И тогда они быстро уходили не большой дорогой, а тропинками: радовалось войско, радовался и Палій съ Гречкой. И тогда они быстро уходили не большой дорогой, а лугомъ: радовалось войско, радовался и Палій съ своимъ другомъ.

И вотъ, обозвался Панъ Семень Палій: — Гдѣ ты, вѣрный другъ. — Или уже нѣтъ твоего друга? отзовися, лугъ! — Такъ обозвался Панъ Семень Палій, и погнался слѣдомъ за Шведомъ; чѣмъ-то угощалъ онъ его, медомъ или виномъ?

Тогда быстро, быстро уходили Шведы, путь пытали, и тотъ путь держали въ Бендеры. — Тогда быстро, быстро убѣгли Шведы лугомъ и степью по тернамъ. Дай Богъ недождаться имъ бится съ Козаками.

Долгомъ почитаю замѣтить опечатку въ подлинникѣ этой пѣсни (Зап. Стар. II. I. стр. 78. куплетъ VIII): вмѣсто »обизався« въ стихѣ IV надобно читать »обизвися.«

Что касается до друга Палѣва, Гречки, о которомъ упоминаетъ пѣсня, то къ сожалѣнію всѣ мои поиски въ Лѣтописяхъ остались напрасны.

II.

Мазепа.

Изъ прежнихъ пѣсень читатели могли заключить, какое понятіе о Мазепѣ сохраняетъ память народная. Проклятіе, наложенное на его имя, слишкомъ сильно впечатлѣлось въ умахъ Украинцевъ, — и до сихъ поръ это проклятіе преслѣдуетъ имя Мазепы, которое сдѣлалось самымъ поноснымъ ругательнымъ именемъ. — Прочтемъ еще двѣ пѣсни въ Русскомъ

переводъ (подлинникъ въ II части Запор. Стар. Кн. I. стр. 79—82): онъ яснѣе прежнихъ высказываютъ народное понятіе о Мазепѣ.

I.

Гетманъ Мазепа, изменникъ Мазепа! Злосты начинаешь, съ Шведомъ дружбу заводишь, на Царя восточнаго руку поднимаешь. Поднялъ ты орду, надбавлять тревоги. —

А про ту измѣну знали Кочубей да Искра, и пошли они тайкомъ изъ подъ Полтавы къ Царю; но Царь имъ не повѣрилъ, къ Мазепѣ отослалъ.

Только увидалъ ихъ Мазепа, и развесялся; а Кочубей съ Искрою облился слезами. Всѣ Паны Сенаторы, всѣ пировали, а про Кочубея съ Искрою совсѣмъ забыли. Только-ты не забывай ихъ, Миргородскій Панъ; не забывай, что Кочубей съ Искрою встали за Украину. Въ Кіевѣ на Подольи срублены гробы; песь Мазепа ихъ невинныя души сгубилъ. —

Ой, выгорѣлъ весь Батуринъ, осталась только хата; да и душу твою, Мазепа, и ее прокляли. Былъ у тебя, пѣсь Мазепа, одинъ слуга Нѣмецъ . . . И пошло, пѣсь Мазепа, ни во что все твое счастье. —

Что я замѣтилъ выше о пѣснѣ про Гордіенка, то могу замѣтить и объ этой пѣснѣ: сомнѣваюсь, что она *совершенно* народная, и думаю, что надъ ея передѣлкой трудилась *рука* не Козацкая. Отпечатокъ этой руки лежитъ замѣтно на второй половинѣ пѣсни. Сравненіе, на пр: срубленныхъ грушъ съ погибшими душами (для рифмы), или переходъ отъ слуги нѣмца къ счастью (опять для рифмы: нѣмецъ — нивецъ) можетъ попасться только развѣ въ женской Малороссійской пѣснѣ; но не въ Запорожской Козацкой. — Впрочемъ историцизмъ сохраненъ здѣсь лучше нежели въ пѣснѣ о Гордіенкѣ, хотя отсутствіе полноты такое-же какъ и тамъ.

О дѣлѣ Кочубея и Искры, упоминаемомъ въ пѣснѣ, можно читать пре-

красную главу Исторіи Малоѣ Россіи.
II. гл. XXXV.

Подъ Миргородскимъ Паномъ въ пѣснѣ, вѣроятно, разумѣется Полковникъ Миргородскій Данило Апостоль, сначала бывшій на сторонѣ Мазепы, но потомъ отставшій, и наконецъ удостоенный званія Гетмана.

Что касается до Батурина, то пѣсня намекаетъ, конечно, на взятіе его Русскими въ 1708.

II.

Случилось проклятому Мазепѣ коржики ѣсть; случилось-же проклятому Мазепѣ и подъ Полтавой стоять.

Да не долго невѣрные у Полтавы станомъ стояли. Сказалъ Царь Московскій : Ура, молодцы! — И молодцы разметали ихъ пухомъ.

Гдѣ-же ты, вражій сынъ, проклятый Мазепа, гдѣ ты стоишь темерь? Куда-ты, волякъ, съ волченками сердюками забрался?

Идетъ молва, будто въ городѣ Бендерахъ что-то смутно стало: уже-ль отъ того, что Ивана Мазепу настигла бѣда?

Отъ того, что Ивана Мазепу настигла бѣда, что Мазепина слава даромъ пропала; отъ того, что Мазепина слава даромъ пропала, когда его бусурманское тѣло въ Бендерахъ земля принимала. —

12.

Преданія о Палій.

Палій — одинъ изъ немногихъ лицъ старины, заслужившихъ особенную любовь памяти народной. Не смотря на то, что въ Украинѣ все болѣе и болѣе забываютъ дѣла давно минувшихъ дней, — Палій еще памятенъ, и мнѣ случалось иногда слушать о немъ народные рассказы — особенно отъ бандуристовъ.

Въ этихъ разсказахъ много нелѣпостей, нѣтъ никакого историзма, никакихъ

намековъ на событія; но они заслуживаютъ вниманіе тѣмъ, что выражаютъ собою понятія народныя о лицѣ замѣчательномъ и по дѣламъ, и по любви къ нему народа. Приведу изъ этихъ рассказовъ наиболѣе замѣчательное:

1. Рассказываютъ, что Палій былъ силачъ, высокъ ростомъ, плечистъ, «горластъ», и страшень на видъ; а въ битвахъ былъ непобѣдимъ и отчаянно храбръ. Ему стоило только вздумать побѣдить кого-нибудь, — и побѣда вѣрно оставалась за нимъ. Онъ любилъ вызывать на поединокъ; но выходить рѣшались не многіе, и тѣ всегда умирали послѣ поединка.

2. Еще рассказываютъ, что Палій былъ чародѣй, и доказываютъ это тѣмъ, что пули употреблялъ онъ всегда серебряныя, а передъ битвою надѣвалъ свѣжее бѣлье.

2. Поляковъ и Жидовъ онъ не терпѣлъ. Неразъ они собирались убить его и отравить; но Палій угадывалъ ихъ

замыслы и жестоко мстить. — Странно, что, повторяя въ пѣсняхъ о дружественныхъ сношеніяхъ Палія съ «Москалями», бандуристы утверждаютъ, будто Палій и «Москалей» терпѣть не могъ.

4. У Палія, говорятъ, было три жены, и всѣ онѣ были такъ похожи одна на другую, что никто невѣрилъ, когда, увидя новую жену, слышалъ что это новая жена и что прежняя умерла: одна была въ одну и лицемъ, и годами, и всѣмъ. Одинъ бандуристъ говорилъ мнѣ, что у Палія была женою родная сестра; но другой, услышавъ объ этомъ отъ меня, не захотѣлъ вѣрить, утверждая, что Палій былъ Христіанинъ истинный и не сдѣлалъ-бы такого преступленія.

Остальное считаю излишнимъ повторять. Вообще отзывъ народа о Паліи представляетъ его лицемъ полутаинственнымъ, почти сверхъ естественнымъ — какимъ-то Геркулесомъ.

О Г Л А В Л Е Н І Е :

Предисловіе V.

СКАЗАНІЯ ЛѢТОПИСЦЕВЪ:

1. Выговскій и Пушкаръ 1.
2. Юрій Хмельниченко 25.
3. Бруховецкій и Морозенко 52.
4. Самойловичъ и Мазепа 64.
5. Палій 86.

ПРИПИСКИ КЪ СКАЗАНІЯМЪ:

1. Голтвянская битва 110.
2. Пѣсня на смерть Пушкаря 120.
3. Объ избраніи Юрія 123.
4. Пѣсня на постриженіе Юрія
въ Монахи 126.
5. Смерть Морозенка 127.
6. Палій и Мазепа 132.

7. Палій въ Сибири	136.
8. Гордіенко	137.
9. Палій	141.
10. Битва Полтавская	149.
11. Мазепа	158.
12. Преданія о Паліѣ	162.

ОБЩЕЕ ОГЛАВЛЕНИЕ

ВТОРОЙ ЧАСТИ.

ЗАПОРОЖСКОЙ СТАРИНЫ.

Кн. I.

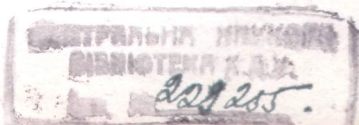
ПѢСНИ и ДУМЫ о лицахъ и Собы-
тияхъ отъ Богдана Хмельницкаго до
СМЕРТИ МАЗЕПЫ — въ подлинникѣ.

— Предисловіе стр. 7. — Пѣсни и
Думы—стр. 9—82.— Замѣтки къ
Пѣснямъ и Думамаъ—стр. 83—84.

Кн. II.

СКАЗАНИЯ ЛѢТОПИСЦЕВЪ и преданія
о лицахъ и событіяхъ во время Богдана
Хмельницкаго.

— Предисловіе — IV—VI. — Лѣ-
топись 1640—1654.—стр. 91—22.—

Лѣтопись 1654—1657.—стр. 93—
105.—Приписки къ Лѣтописи стр.
106—143.—Пѣсни, Думы и Пре-
данія — стр. 144—184.

Кн. III.

Сказанія Лѣтописцевъ и преданія о ли-
цахъ и событіяхъ до смерти Мазепы.

—Предисловіе—стр. V—VIII Сказанія
Лѣтописцевъ стр. — I—109. Приписки
къ Сказаніямъ стр. 110—164.—

